

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 4
Volume 3 | 2017

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 3. № 4. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 3. № 4. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винцигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Филологического факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHEVSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philology, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy of State Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

*Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS****ИССЛЕДОВАНИЯ****RESEARCHES**

Вишняков Я. Д., Киселева С. П. Экологическая культура и российская идеология XXI века	4	Vishnyakov J. D., Kiseleva S. P. Ecological culture and the Russian ideology of twenty-first century	4
Давтян Д. В., Селюков М. В. Консолидационный потенциал ценности справедливости в реализации гражданского контроля за деятельностью власти в современном российском обществе	12	Davtyan D. V., Selyukov M. V. Consolidation potential of the value of justice in implementation of civilian control over the performance of authorities in the contemporary Russian society	12
Пенская Т. М. Традиции и новации в исторической оценке московского периода русской истории	20	Penskaya T. M. Traditions and innovations in historical assessment of the Moscow period of Russian history	20

АРХИВ**ARCHIVE**

Московкин В. М. О крупном деятеле народного образования Курской и Воронежской губерний А. К. Димитриу	30	Moskovkin V. M. About Aleksey Dimitriu – an outstanding figure of the public education of Kursk and Voronezh provinces	30
---	-----------	--	-----------

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ****MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Тонких В. А., Колимбет Е. Д. Политическая аналитика как наука (прагматические заметки)	49	Tonkikh V. A., Kolimbet E. D. Political analytics as a science (pragmatical notes)	49
Кибалко В. В. Праздник и праздничность: деградация смыслов?	54	Kibalko V. V. Festivity and festiveness: degradation of implications?	54

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 304.4

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-4-11

Вишняков Я. Д.¹,
Киселева С. П.²

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА

¹ Государственный университет управления, Рязанский проспект, д. 99, г. Москва, 109542, Россия; *vishnyakov1@yandex.ru*

² Государственный университет управления, Рязанский проспект, д. 99, г. Москва, 109542, Россия; *svetlkiseleva@yandex.ru*

Аннотация. Для укрепления России в качестве духовного лидера требуется разработка и реализация новой российской идеологии XXI века. На сегодняшний день очевидна потребность в новой современной идеологии, развивающейся в рамках экологической культуры. Деидеологизация России, приводящая к дезинтеграции государства и общества, приводит к нарушению целостности социальной системы и, как следствие, к экологической неграмотности лиц, принимающих решения. Авторы обозначают губительность отсутствия экологической компоненты среди основных характеристик образования для технологического развития России и обозначают основные причины сложившейся ситуации. В статье представлены предварительные результаты анализа взаимодействия и возможностей коэволюции культурной среды и идеологии в части их содержания и институционального обеспечения. Авторы предлагают возможное решение задачи наполнения сегодняшнего идеологического вакуума в российской высшей школе. Обращается внимание на то, что одним из узловых моментов новой национальной идеологии должны являться идеологические и этические аспекты эколого-ориентированного технологического развития России.

Ключевые слова: экологическая культура; технологическое развитие; российская идеология; экологическое образование.

J. D. Vishnyakov¹
S. P. Kiseleva²

ECOLOGICAL CULTURE AND THE RUSSIAN IDEOLOGY
OF THE TWENTY-FIRST CENTURY

¹ State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia; *vishnyakov1@yandex.ru*

² State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia; *svetlkiseleva@yandex.ru*

Abstract. Strengthening Russia as a spiritual leader requires the development and implementation of the new Russian ideology of the XXI century. Today, there is a clear necessity of new, modern ideology that is developing in the framework of the environmental culture. The deideologization of Russia, leading to the disintegration of the state and society, results in disruption of the integrity of the social system, and, consequently, in the ecological illiteracy of decision makers. The authors outline the

disastrous lack of environmental components among the main characteristics of the developing education for technological development and outline the main causes of the situation. The article presents the preliminary results of the analysis of the interaction and possibilities of co-evolution of the cultural environment and ideology, in terms of their content and institutional support. The authors suggest a possible solution to the problem of filling the current ideological vacuum in Russian higher school. It is noted that one of the key points of the new national ideology must be the ideological and ethical aspects of ecologically oriented technological development of Russia.

Keywords: ecological culture; technological development; Russian ideology; environmental education.

На рассмотрение научно-образовательного и организационно-управленческого сообщества авторы представляют предварительные результаты анализа взаимодействия и возможностей коэволюции культурной среды и идеологии в части их содержания и институционального обеспечения. Для подобного рассмотрения серьезной базой являются обстоятельно изложенные в печати представления о ноосферном развитии человеческой цивилизации (В.И. Вернадский, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, Н.Н. Моисеев, С.А. Степанов, А.Д. Урсул, Н.Н. Лукьянчиков и др.) [см.: 13; 20].

Необходимо отметить, что культура и, соответственно, культурная среда обладают темпом развития на порядок ниже, чем темп развития идеологии. Это обуславливает существенные различия в продолжительности жизненного цикла идеологии и культуры. Культура развивается в рамках определенного этноса и достигает высшего совершенства в качестве национальной культуры и даже культуры одной из земных цивилизаций [см.: 13]. А идеология должна являться на обозрение общественности, культурной среды и прочих в законченном и совершенном виде, достаточном для обеспечения конкурентоспособности новой идеологии относительно уже существующих в культурной среде [1; 11].

России суждено стать лидером возрождения мировой цивилизации, разрушение которой происходит ускоряющимися темпами, в том числе и в результате атомиза-

ции культурной среды как на государственном уровне, так и на уровне отдельного человека. Для укрепления России в качестве духовного лидера требуется разработка и реализация новой российской идеологии XXI века. Совершенно очевидна потребность в новой современной идеологии, развивающейся в рамках экологической культуры и проходящей этап институционализации в культурной среде [см.: 6; 7; 8; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Обсуждение взаимодействия культурной среды и идеологии потребовало поиска ответов на некоторые принципиальные вопросы. Может ли определенная культурная среда воспринимать беспрепятственно любую идеологию, если последняя представлена достаточно убедительно, прозрачно и притягательно? Какие качества идеологии необходимы для ее продвижения в дружественную культурную среду и для преобразования этой идеологии из новеллы в идеологию, обладающую серьезной силой воздействия на развитие культурной и материальной среды? Какие качества необходимы для апологетов этой идеологии? Каким представляется наиболее эффективный путь воспитания достаточного количества адептов новой идеологии, достаточного для того, чтобы можно было обоснованно квалифицировать новую идеологию в качестве национальной идеологии? Была ли фашистская идеология (высшая раса, мировое господство, геноцид и др. человеконенавистнические идеи и черты) прививкой для земной цивилизации (длительность прививки в первой половине XX века – около десяти

лет), в результате которой у большинства национальных культур (культурных сред) выработался стойкий иммунитет к фашистской идеологии? Можно ли считать «американизм» (идеология США, включающая пропаганду американского образа жизни) прививкой (прививка затянулась почти на сто лет) мировой культурной среде, способствующей выработке иммунитета к эгоистическому природопользованию (во вред соседям и грядущим поколениям), к дальнейшему развитию общества потребления со всё возрастающими потребностями индивидуумов, к национальному эгоизму во всех его проявлениях [см.: 7]?

Мнение самих американцев: США фашизм не угрожает, поскольку в США имеется «американизм» – явление существенно более страшное и опасное для мировой цивилизации. Пренебрежение международным правом, исповедование и практика права сильного... Wrong or right – that is my country! Варварские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (Япония, 1945) – гибель сотен тысяч беззащитных мирных жителей... Напалм и дефолианты против населения Вьетнама – экологические катастрофы, гибель и инвалидность детей и стариков... А далее Ирак и Афганистан, нарушение экологической безопасности Югославии в результате американских бомбардировок... Продолжающаяся и сегодня кровавая история в Сирии... Официальная американская проповедь экологической культуры и одновременное развитие методов добычи сланцевых газа и нефти, приводящих к экологическим катастрофам сегодня и в ближайшем будущем.

Идеология избранной исключительной нации (высказывания президента Обамы 2015-2016 гг.), идеология диктата и насилия (государственный терроризм) не имеют ничего общего с ноосферным развитием земной цивилизации. Мировая культурная среда начинает понимать опасность «американизма» для судьбы человеческой цивилизации, в том числе и с позиций развивающейся экологической культуры.

Сегодня целесообразно обратить пристальное внимание на идеологические аспекты эколого-ориентированного культурного и технологического развития России в XXI веке [см.: 7; 10; 13; 18; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Известно, что идеологии, в отличие от религий, имеют ограниченный срок жизни. После крушения монопольного статуса коммунистической идеологии в российском обществе сложилась ситуация идеологического вакуума, то есть ситуация, при которой отсутствуют идейно-целевые установки и течения. Наблюдаются губительные последствия отсутствия единой национальной идеологии для всей социально-экономической и общественно-политической системы России, в частности, практически прекратилось технологическое развитие и существенно ослабилась технологическая безопасность России¹, существенно снизился и продолжает снижаться уровень общего и профессионального образования, ослабли институты социальной защиты и т.п. [см.: 7].

Как показывает опыт преобразований в странах с переходными общественными отношениями, одним из важнейших условий стабилизации политической и экономической обстановки является создание долговременной научно-обоснованной идейно-целевой доктрины, которой могут руководствоваться в своей деятельности все ветви государственной власти. Эта идеологическая доктрина обеспечивает интеграцию государства и общества, а также целостность всей социальной системы. Одним из необходимых условий создания эффективной национальной идеологии является сохранение преемственности поколений, внимательный и тщательно обоснованный учет национальных, исторических и географиче-

¹ Под технологической безопасностью России понимается состояние защищенности национальных интересов в технологической сфере.

ских особенностей страны [см.: 26]. Сегодня в России доминируют три основных идеологических течения: коммунистическое, национально-патриотическое и либерально-демократическое; интенсивно внедряется в российское общество идеология терроризма, в том числе на основе исламского фундаментализма. Ретроспективный анализ и прогностические исследования дают однозначный ответ, что ни одно из этих идеологических течений не способно обеспечивать в России реальную интеграцию государства и общества и целостность всей социальной системы и, следовательно, не может обеспечивать главные национальные интересы России: обороноспособность и достойные условия жизни населения. Определенный оптимизм вселяют темпы возрастания понимания в рамках общечеловеческой идеологии XXI века динамики значимости взаимоотношения человека с окружающей природной средой. В своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году Президент РФ В.В. Путин назвал на втором месте после проблем с международным терроризмом проблемы, связанные с охраной окружающей среды и экологической безопасностью. Годом экологии в России обозначен 2017 год (Указ Президента РФ от 05.01.2016 г.) [см.: 7; 14; 15; 19].

Вместе с тем в России наблюдается вопиющая экологическая неграмотность лиц, принимающих решения, практически на всех уровнях государственного и муниципального управления, менеджмента предприятий и организаций различных форм собственности. Вспомним: Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 года № 1225р утверждена Экологическая Доктрина РФ. В разделе Доктрины «Основные факторы деградации природной среды РФ» отмечены «низкий технологический и организационный уровень экономики... низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения» и т.д. Прошло 15 лет – обстановка не улучшилась! И

так будет до тех пор, пока происходит деидеологизация России, приводящая к дезинтеграции государства и общества, к нарушению целостности социальной системы [см.: 2; 5; 7; 8; 12; 16; 17].

Отдельно и довольно активно живет российское научно-образовательное сообщество – развивает глобальные идеи выдающихся российских ученых: В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, Д.С. Львова, проводит весьма представительные конференции и симпозиумы, публикует монографии, статьи и учебники. Также отдельно существует экономика России, слабо связанная с высокоразвитой инновационной и экологически ориентированной российской наукой.

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в РФ» страдает целым рядом недостатков, из которых главным является отсутствие специальных статей по экологическому образованию. В первоначальном проекте закона эти статьи были – они изъяты по инициативе и по настоянию Министерства образования и науки РФ (это прозвучало, в частности, в выступлении Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии В.И. Кашина на расширенном заседании Высшего экологического совета по теме «Совершенствование нормативно-правового регулирования в целях развития системы экологического образования и просвещения, повышения экологической культуры» 21.05.2015 г.). Разработанные учеными-экологами по поручению профильного комитета ГД поправки до сих пор не нашли поддержки и позитивной реакции Минобрнауки РФ. Всё это задерживает и без того вялотекущую экологизацию российского образования, уже не говоря о практическом отсутствии среди основных характеристик развивающегося образования экологической компоненты – это особенно губительно для российского менеджмент-образования, и экономического образования, и, соответственно, для технологического развития России.

Главной проблемой в развитии эколого-ориентированного управленческого образования (ЭУО) следует считать отсутствие нормативно-правовой базы и инструментов реализации государственных механизмов развития ЭУО. Обозначенные трудности в сфере развития эколого-ориентированного управленческого образования связаны между собой причинно-следственной связью и требуют комплексного подхода к их решению.

Развитие эколого-ориентированного управленческого образования с учетом изложенных позиций требует соответствующей институционализации. В частности, в вузе обязательно должны быть кафедры, совмещающие функции выпускающих кафедр и общеуниверситетских кафедр [см.: 3; 4].

Одним из университетов, по-современному решающим указанные задачи, является Государственный университет управления (ГУУ). Эколого-ориентированное управленческое образование в ГУУ реализует Кафедра управления природопользованием и экологической безопасностью. На базе кафедры более двадцати лет развивается научная школа «Управление рисками и обеспечением безопасности социально-экономических и общественно-политических систем» (далее Научная школа). Руководит Научной школой заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой управления природопользованием и экологической безопасностью ГУУ, Вице-президент национальной технологической палаты Я. Д. Вишняков. В рамках Научной школы определены и реализуются следующие направления научно-исследовательской и научно-образовательной деятельности: 1) управление рациональным природопользованием и экологической безопасностью в условиях эколого-ориентированного инновационного развития; 2) управление стратегическими рисками и оценка эколого-экономических ущербов в социально-экономических и общественно-политических системах; 3) регулирование

комплексной безопасности при модернизации высокотехнологичных отраслей экономики; 4) управление национальной безопасностью с учетом возможности террористических воздействий [см.: 6; 8; 9].

Во всех советских вузах были кафедры истории партии, марксизма-ленинизма и тому подобные идеологические кафедры. Таким образом государственная идеология включалась в память и подсознание студентов на повседневном уровне, то есть лекции и семинары, зачеты и экзамены делали знания в области государственной идеологии имманентными для каждого гражданина страны, получившего высшее или среднее профессиональное образование. Соответствующие кафедры пользовались особым вниманием руководства вузов и Министерства высшего и среднего профессионального образования СССР.

Наполнение сегодняшнего идеологического вакуума в российской высшей школе возможно путем придания статуса идеологических вузовских центров кафедрам экологии и природопользования, экологии и безопасности жизнедеятельности, управления природопользованием и экологической безопасностью и другим кафедрам подобной направленности. При этом необходимо во все ФГОСы ввести в качестве обязательных дисциплин такие дисциплины, как экология и природопользование, экономика природопользования, рациональное природопользование и ресурсосбережение, то есть дисциплины, относящиеся к научным основам идеологии XXI века, идеологии цивилизации риска и знаний, идеологии, обеспечивающей работоспособность государственно-общественной системы щадящего отношения человека к природной окружающей среде, а природы к человеку.

Резонно попытаться найти ответ на вопрос, какая идеологема может быть использована в XXI веке в качестве идеологической основы развития России, в особенности технологического развития. Это может прозвучать несколько неожиданно, но именно в России многие знают ответ: взаимно щадящее и уважительное отношение

человека к окружающей природной среде (или, несколько вульгарно, к природе – ведь человек сам является частью природы!) и природы к человеку.

Уже сегодня проводится многоаспектная разработка этой идеологии. В целях придания этой идеологии статуса национальной российской идеологии XXI века к ней предъявляются жесткие научно-обоснованные требования – это отсутствие партийной окраски, поликонфессиональность, прозрачность в содержательной и организационной сущности, гуманистичность, научная строгость и системная обоснованность и некоторые другие аспекты, поддающиеся описанию в рамках современной науки. Проявлен интерес к обсуждению возможности придания природной среде статуса субъекта права, что может привести к серьезным изменениям в структуре и содержании нормативно-правового поля, в том числе в области фундаментальных правовых основ технологического развития. Весьма примечательным является то, что одним из узловых моментов новой национальной идеологии являются идеологические и этические аспекты эколого-ориентированного технологического развития России в интересах обеспечения главных национальных интересов России – гарантированной обороноспособности и достойного уровня жизни населения России сегодня и в обозримом будущем [см.: 6; 7].

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ № 15-02-00616 «Разработка механизма эколого-ориентированного технологического развития экономики».

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interest to declare.

Литература

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Человеческий фактор в проблемах безопасности. М.: МГФ «Знание», 2008 г. 688 с.
2. Вишняков, Я.Д. Университеты России в условиях кризиса национальной системы «Кадры-образование» // Экология и промышленность России. 2011. № 4. С. 62-65.
3. Вишняков, Я.Д. Экологическое образование для всех // Экология и промышленность России. 1999. № 7. С. 24-27.
4. Вишняков, Я.Д. Экологическое образование необходимо для всех // Экология и промышленность России. 2012. № 9. С. 74-77.
5. Вишняков, Я.Д., Гвоздкова, И.А., Киселева, С.П. Состояние и перспективы развития современной системы подготовки кадров в области управления природопользованием и экологической безопасностью (опыт Государственного Университета Управления, 1994-2014 гг.) // Экология и промышленность России. 2015. Т. 19. № 7. С. 57-62.
6. Вишняков, Я.Д., Киселева, С.П. Научная школа «Управление рисками и обеспечением безопасности социально-экономических и общественно-политических систем» ГУУ // «Управление». 2015. № 3 (9). С. 5-18.
7. Вишняков, Я.Д., Киселева, С.П. Природа и человек в российской идеологии XXI века // Материалы Московского межвузовского методологического семинара (конференции) – Моисеевские чтения «Универсальный эволюционизм Н. Моисеева и цивилизационные разломы: проблемы формирования и развития духовно-нравственных ценностей личности в России на фоне кризиса западной культуры». М.: МНЭПУ, 2016.
8. Вишняков, Я.Д., Киселева, С.П. Развитие эколого-ориентированного управленческого образования в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2015. № 12 (Ноябрь). С. 284-294.
9. Вишняков, Я.Д., Киселева, С.П. Управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических систем: эколого-ориентированное управленческое образование (опыт Государственного университета управления) // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/34evn313.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
10. Ишков А.Г., Рыбальский, Н.Г., Грачев, В.А. Экологическая культура. М.: РЭА, 2015. 416 с.
11. Катастрофы и образование / Я.Д. Вишняков, В.А. Владимиров, Ю.Л. Воробьев и др.;

под ред. Ю.Л. Воробьева. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 174 с.

12. Косякова, И.В., Харитонов, Л.С. Роль и задачи технического развития производства на современном этапе // Вклад молодой науки в национальную экономику России. Материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Самара: Изд-во Самарского государственного технического университета, 2014. С. 100-104.

13. Лукьянчиков, Н.Н. Формирование мировоззрения гармоничного взаимодействия Человека с Природой. М., 2016. 96 с.

14. Мекуш, Г.Е. Подходы к разработке индикаторов устойчивого развития на региональном уровне // География и природные ресурсы. 2000. № 6. С. 18.

15. Мекуш, Г.Е. Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы. М.: Экономика, 2011. 254 с.

16. Мудрецов, А.Ф., Тулупов, А.С. Проблемы устойчивого развития России // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 5. С. 23-30.

17. Новоселова, И.Ю. Теоретико-практические аспекты исчерпания природных ресурсов и их замещение // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 4. С. 125-130.

18. Разовский, Ю.В. Эвристические сценарии циклического развития // Аспирант. Докторант. Гуманитарно-социальные исследования. 2013. № 1 (5). С. 81.

19. Семенов, А.В., Руденко, Ю.С., Разовский, Ю.В. Мировоззренческие, геополитические, экономические аспекты использования арктического потенциала России // Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон: материалы XI международной научной конференции. Часть 1. М.: изд-во ЧОУВО «МУ им С. Ю. Витте», 2015. С. 477-489.

20. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

21. Assessment of entrepreneurial territorial attractiveness by the ranking method / Kosyakova I.V., Gavrilova M.A., Shepelev V.M., Belikova L.F., Chistik O.F. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 14. P. 6866-6875.

22. Environmental risk to health of the population / Kosyakova, I.V., Anopchenko, T.Yu., Mur-

zin, A.D., Kandrashina, E.A., Surnina, O.E. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 14. P. 7091-7115.

23. Financing – the basis of organization and realization of the investment policy of Russian enterprises / Kosyakova, I.V., Charaeva, M.V., Naumova, O.A., Denisov, A.D. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 14. P. 7116-7128.

24. Kosyakova, I.V., Rensh, M.A., Agafonova, A.N. Research into the specific aspects of internal conflict displays in the course of professional identification. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 14. P. 7079-7090.

25. Organizational Model of the Congress and Exhibition Cluster in the Field of Business Travel / Kosyakova, I.V., Karpova, G.A., Khoreva, L.V., Suraeva, M.O., Maslentseva, N.Yu. // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Vol. 11. № 7. P. 2592-2607.

26. Strategic analysis of sustainable socio-economic situation of rural areas in the Samara Region of the Russian Federation / Kosyakova, I.V., Belyaeva, G.I., Ermoshkina, E.N., Pankratova, L.E., Zotova, A.S. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 14. P. 6889-6897.

27. The Role of Nonprofit Organizations in Alignment of Environmental Interests of Energy Companies and National Economic Security / Basaeva, B.B., Gryzunovab, N.V. Kiselevab, I.A., Tramovac, A.M. // International Journal of Environmental and Science Education. 2016, VOL. 11, № 16. P. 9530-9542.

References

1. *Bezopasnost' Rossii. Pravovye, social'no-ekonomicheskie i nauchno-tehnicheskie aspekty* (2008), [Russia's Security. Legal, socio-economic and scientific-technical aspects. The human factor in security issues], MGF "Znanie", Moscow, Russia. (in Russ.)

2. Vishnyakov, Ya. D. (2011), "Universities of Russia in the conditions of crisis of the national system "Personnel-education" (in Russ.), *Ecology and Industry of Russia*, 4, 62-65.

3. Vishnyakov, Ya. D. (1999), "Environmental education for all" (in Russ.), *Ecology and industry of Russia*, 7, 24-27.

4. Vishnyakov, Ya. D. (2012), "Environmental education is essential for all" (in Russ.), *Ecology and industry of Russia*, 9, 74-77.

5. Vishnyakov, Ya. D., Gvozdikova, I. A., Kiseleva, S. P. (2015), "The State and perspectives of development of the modern system of training in environmental management and environmental safety (experience of the State University of Management, 1994-2014)" (in Russ.), *Ecology and industry of Russia*, Vol. 19, 7, 57-62.
6. Vishnyakov, Ya. D., Kiseleva, S. P. (2015), "Scientific school "Risk Management and security socio-economic and socio-political systems" GUU (in Russ.), *Upravlenie*, 3 (9), 5-18.
7. Vishnyakov, Ya. D., Kiseleva, S. P. (2016), "Nature and man in the Russian ideology of the XXI century", *Materials of the Moscow interuniversity methodological seminar (conference) –Moiseev readings "Universal evolutionism of N. Moiseev and civilizational faults: the problems of formation and development of spiritual and moral values of personality in Russia on the background of the crisis of Western culture"*, MNEPU, Moscow, Russia. (in Russ.)
8. Vishnyakov, Ya. D., Kiseleva, S. P. (2015), "Development of ecologically oriented management education in Russia" (in Russ.), *Vestnik Universiteta (State University of Management)*, 12, November, 284-294.
9. Vishnyakov, Ya. D., Kiseleva, S. P. (2013), "Risk management and security of socio-economic systems: ecologically oriented management education (The experience of the State University of Management)" (in Russ.), *Internet-journal "Naukovedenie"*, 3 [Online], available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/34evn313.pdf> (date of access: October 3, 2018).
10. Ishkov, A. G., Rybal'sky, N. G., Grachev, V. A. (2015), *Ekologicheskaya kul'tura* [Ecological culture], REA, Moscow, Russia (in Russ.)
11. Vishnyakov, Ya. D., Vladimirov, V. A., Vorobyov, Yu. I. (1999), *Katastrofy i obrazovanie* [Disaster and education], in Vorobyov, Yu. I. (ed.), Editorial URSS, Moscow, Russia. (in Russ.)
12. Kosyakova, V. I., Kharitonova, L. S. (2014), "The role and tasks of the technical development of production at the present stage" (in Russ.), *Vklad molodoy nauki v nacional'nyuyu ekonomiku Rossii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii studentov I molodyh uchenykh* [The contribution of the young science in the national economy of Russia. Materials of the international scientific-practical conference of students and young scientists], Samara State Technical University, Samara, Russia, 100-104.
13. Lukyanchikov, N. N. (2016), *Formirovanie mirovozzreniya garmonichnogo vzaimodejstviya cheloveka s prirodoy* [The formation of outlook of harmonious Human interaction with Nature], Moscow, Russia. (in Russ.)
14. Mekush, G. E. (2000), "Approaches to developing indicators of sustainable development at the regional level" (in Russ.), *Geography and natural resources*, 6, 18.
15. Mekush, G. E. (2011), *Ekonomicheskaya politika i ustojchivoe razvitie: analiz i metodologicheskie podkhody* [Environmental policy and sustainable development: analysis and methodological approaches], Ekonomika, Moscow, Russia. (in Russ.)
16. Mudretsov, A. F., Tulupov, S. A. (2016), "Problems of sustainable development of Russia" (in Russ.), *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 5, 23-30.
17. Novoselova, I. Yu. (2014), "Theoretical and practical aspects of resource depletion and substitution" (in Russ.), *Vestnik Universiteta (State University of Management)*, 4, 125-130.
18. Razovskiy, Yu. V. (2013), "The Heuristic scenario of cyclical development" (in Russ.), *Aspirant, doktorant. Gumanitarno-social'nye issledovaniya*, 1 (5), 81.
19. Semenov, A. V., Rudenko, Yu. S., Razowski, Yu. V. (2015), "Ideological, geopolitical, economic aspects of the use of the Arctic potential of Russia" (in Russ.), *Sovremennye problemy ispol'zovaniya potentsiala morskikh akvatorij i pribrezhnykh zon: materialy XI mezhdunarodnoy nauchnoj konferencii. Chast I* [Modern problems of using the potential of marine waters and coastal zones. Materials of the international scientific conference. Part 1], 477-489.
20. Huntington, S. (2003), *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of civilizations], "Izdatel'stvo AST", Moscow, Russia. (in Russ.)
21. Kosyakova, I. V., Gavrilova, M. A., Shepelev, V. M., Belikova, L. F. and Chistik, O. F. (2016), "Assessment of entrepreneurial territorial attractiveness by the ranking method", *International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (14), 6866-6875.
22. Kosyakova, I. V., Anopchenko, T. Yu., Murzin, A. D., Kandrashina, E. A. and Surnina, O. E. (2016), "Environmental risk to health of the population", *Journal of Environmental and Science Education*, 11 (14), 7091-7115.

23. Kosyakova, I. V., Charaeva, M. V., Naumova, O. A. and Denisov, A. D. (2016), "Financing – the basis of organization and realization of the investment policy of Russian enterprises", *International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (14), 7116-7128.

24. Kosyakova, I. V., Rensh, M. A., and Agafonova, A. N. (2016), "Research into the specific aspects of internal conflict displays in the course of professional identification", *International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (14), 7079-7090.

25. Kosyakova, I. V., Karpova, G. A., Khoreva, L. V., Suraeva, M. O. and Maslentseva, N. Yu. (2016), "Organizational Model of the Congress and Exhibition Cluster in the Field of Business Travel", *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11 (7), 2592-2607.

26. Kosyakova, I. V., Belyaeva, G. I., Ermoshkina, E. N., Pankratova, L. E. and Zotova, A. S. (2016), "Strategic analysis of sustainable socioeconomic situation of rural areas in the Samara Region of the Russian Federation", *International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (14), 6889-6897.

27. Basaeva, B. B., Gryzunovab, N. V. Kiselevab, I. A. and Tramovac, A. M. (2016), "The Role of Nonprofit Organizations in Alignment of Environmental Interests of Energy Companies and National Economic Security", *International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (16), 9530-9542.

ОБ АВТОРАХ:

Вишняков Яков Дмитриевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой управления природопользованием и экологической безопасностью, Государственный университет управления, Рязанский проспект, 99, г. Москва, 109542, Россия; *vishnyakov1@yandex.ru*.

Киселева Светлана Петровна, доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой управления природопользованием и экологической безопасностью, Государственный университет управления, Рязанский проспект, 99, г. Москва, 109542, Россия; *svetlkiseleva@yandex.ru*.

ABOUT THE AUTHORS:

Yakov D. Vishnyakov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Department of Environmental Management and Ecological Safety, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia; *vishnyakov1@yandex.ru*.

Svetlana P. Kiseleva, Doctor of Economics, Professor, Deputy Head of Department of Environmental Management and Ecological Safety, State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia; *svetlkiseleva@yandex.ru*.

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-12-19

Dianna V. Davtyan¹
Maksim V. Selyukov²

CONSOLIDATION POTENTIAL OF THE VALUE OF JUSTICE IN IMPLEMENTATION OF CIVILIAN CONTROL OVER THE PERFORMANCE OF AUTHORITIES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
davtyan@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
selyukov@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers the social justice as one of the fundamental values of modern Russian society. It is stressed that justice in Russian history is one of the most significant motivators to essentially civil action due primarily to a sociocultural specificity of Russia where the controlling exposure historically in the absolute majority of cases was based on the appeal to the values of justice and not to the law, which is not typical for Western culture. It is noted that social justice is a value, i.e. a reality of social and individual life. Social justice as a value includes a gnoseological, regulatory, measurement and ideal components. Being at the most critical crossover point between individual and public interests, it is a historically and culturally acceptable measure of equality and liberty of individuals. Based on data of sociological surveys, the authors analyzed the insights of Russian people into social justice. It is determined that it is justice that in modern social and cultural environment can act as a national idea, which consolidates a society, and which scientists and politicians have been discussing for a long time. However, it is proved that in modern Russian socio-economic and sociocultural conditions there is a rather strong discrepancy between the normative value of the value of justice in the minds of the population and its willingness to fight for this justice. High importance of justice solely as a terminal, rather than instrumental value, does not allow most citizens to formulate a rational responsibility requirement with regard to authorities.

Key words: justice; social justice; consolidation; self-organization; civic engagement.

Давтян Д. В.¹
Селюков М. В.²

КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕННОСТИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, *davtyan@bsu.edu.ru*

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, *selyukov@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье социальная справедливость рассматривается как одна из основополагающих ценностей современного российского общества. Подчеркивается, что в истории России справедливость – это один из наиболее значимых мотиваторов к гражданским по своей сути действиям, что в первую очередь обусловлено социокультурной спецификой России, где исторически, в абсолютном большинстве случаев, в основе контролирующего воздействия лежала нетипичная для западной культуры апелляция не к закону, а к ценности справедливости.

Отмечается, что социальная справедливость представляет собой ценность, т.е. реальный факт общественной и индивидуальной жизни. Как ценность социальная справедливость включает в себя гносеологический, нормативный, оценочный и идеальный компоненты. Выступая критической точкой пересечения индивидуального и общественного интересов, она выражает исторически и культурно приемлемую меру равенства и свободы индивидов. На основании данных социологических опросов проанализированы представления россиян о социальной справедливости. Определено, что в современной социокультурной среде именно справедливость может выступить как консолидирующая общество национальная идея, о которой долгое время ведут дискуссии ученые и политики. Однако доказано, что в современных российских социально-экономических и социокультурных условиях существует довольно сильное расхождение между нормативной значимостью ценности справедливости в сознании населения и его готовностью бороться за эту справедливость. Высокая значимость справедливости исключительно как терминальной, а не инструментальной ценности не позволяет большинству граждан сформулировать требование рациональной ответственности в отношении власти.

Ключевые слова: справедливость; социальная справедливость; консолидация; самоорганизация; гражданская активность.

Introduction. Development priorities of modern Russia include the search for effective mechanisms to provide for cooperation between the authorities and society. This is necessary for several reasons: firstly, citizens should be permitted to participate in taking decisions which are both vital for themselves and for society as a whole; secondly, in the process of effective cooperation between the management system and society the possibility of abuse of power is minimized; thirdly, as a result of this cooperation, it is possible to encourage new civilian traditions and values that are in scarce in the sociopolitical life.

This search is about the development and strengthening of forms and technologies of civic participation. One of them is civilian control that represents the practice of evaluation of management decisions and actions, independently from power, in terms of their compliance with the values and the public interest, implemented by individual citizens, their associations and networking communities. Civilian control contributes to the transition from the subject-object to the subject-subject relationship between the authorities and the population, providing a “feedback”, laying the new foundations of social justice and political stability.

Considering the importance of the system of civilian control over the performance of authorities, V.P. Babintsev and V.M. Zakharov emphasize: “civilian control is a way of the external regulatory of the management process, especially in cases where the internal regulation failed” [2].

The main content. The phenomenon of civil control in its qualitative peculiarity can be realized only if there is a civil society and, accordingly, if its subjects (based on the so-called “middle class”) have civil disposition. This concept can be defined as a complex of mental units of four types:

1) frames (cognitive attitudes) – concepts, images, which form cognitive structures as frameworks to comprehend experiences, put new and unknown on already known;

2) characters (value systems) – shrines, values, principles, precepts, i.e. anything that creates desires, motivations, interests, shame, fears, etc.; 3) identities (existential attitudes) – situational and permanent identities, taken positions and roles;

4) stereotypes of practices and strategies (behavioral attitudes) – the ability and willingness to routine actions (practices) and complex purposeful activities (strategies). In this case,

what we are most interested in is not a physical, but mostly mental quality of individuals and groups that make up the population (as a combination of passive and divided inhabitant), and local social networking communities (as a community of viable and solidarity citizens [8]).

Dispositions represent conditions and pre-conditions for implementation of subjective practices (perception, understanding, thinking, communication, action), and “systematically determine” direct social interactions. However, in order to implement these practices, social phenomena must be internalized, effectively learned, assigned and even incorporated by the agents that actively “construct” their perception, expression and evaluation of social reality, their communication, etc. [11].

Thus, civilian control, in the traditional sense of the term, is a way of development of the management area by the individual with rational thinking and feeling free and at the same time responsible, in which management realities correlate with civil disposition of the individual.

There is another difference of civilian control that is related to the specific requirements for its organization. We believe that these requirements are:

- sociality. The use of technologies of civilian control aim at solving specific social problems, at monitoring compliance with the legitimate rights and freedoms of citizens, at balance between the interests of different social groups;

- targeting. The use of a technology of civilian control should be due to the clearly defined goals and objectives, as well as to a clear understanding of how various structures’ results are addressed;

- publicity. Leadership development, methodology and results of civilian control should be open, transparent, public; the relevant information should be brought to the attention of authorities and administration, as well as there should be ensured its availability to all interested citizens;

- voluntariness. In this case we should take into account the fact that any coercion to

civilian control is contrary to its nature and meaningless;

- institutionalization. Civilian control can be realized only if it comes from an institutionalized civil subject.

Civilian control as a kind of social practice is always specific, influenced by existing conditions, public interest and social code of conduct formed throughout history. With the latter factor it is impossible to understand the evolution of ideas and practices of civilian control extrapolated to Russian conditions. This factor is a major difference of Russia from the countries of European civilization, and the essence of this difference can be reduced to three main positions. Firstly, in Russia, in fact, the practices of individual civic engagement and civil control were never developed. Secondly, cases where society tried to have a controlling impact on the power (in so doing mainly on the local authorities), are associated with collective forms of this activity, either the peasant community in pre-revolutionary Russia or working collectives of the Soviet era. Elements of civilian control (it is clear that it was absent as a system phenomenon in Russia) were understood and allowed only in the context of relying on “other people”, as a result of the collective interactions and of collective citizen action. Thirdly, (this is crucial) the controlling impact in most cases was based on the appeal to the values of justice and not to the act, which is not typical of Western culture.

The concept of “justice” is one of the most difficult to define in sociology. The difficulty is that it covers both the abstract moral idea and real attitude which plays a crucial role in managing people, and determines what is right or wrong. An abstract idea was born in the spiritual and religious moral sphere, and is also implemented in the same sphere, but it sheds light on the everyday material life of society, where it becomes a factor of social integration, without which it is impossible to ensure its survival. Depending on the socio-economic structure, on the balance of power of classes and political factions, on the political culture of the elite, on its political experience

and will, the concepts of social justice, different in a very wide range, can dominate in the state [10].

However, this does not mean that any concept of justice is acceptable. Preferred is the concept that provides a consensus of various sectors of the population. In general, it does not raise serious objections, and even more outrage of any influential groups, as well as the dissemination of envy among the population. The society (the state), where the general sense of justice is transgressing, where relationships are defined only by benefit (utility), is doomed to degradation, revolutions, civil war, and in many cases to a complete breakdown and death [10].

It is our understanding that justice is a fundamental principle of society, based on tradition and plays a role of a central integrating element for society. Its essence is to establish proportionality between the act and reward, in conformity with the values and meanings accepted in society.

In the history of Russia, it is one of the most significant motivators to intrinsically civil actions. Turning to the Weber typology of social behavior [3], it can be argued that attempts to control the power in the Russian conditions almost always had been value-oriented, and not objective-oriented.

It is justice that in modern social and cultural environment can act as a national idea, which consolidates the society, and which has been discussed for a long time. According to M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova: "...the great Russian dream can be expressed in one word – and it will be the word «justice»" [4].

Social justice is a value, i.e. a reality of social and individual life. Values are sociocultural meanings, whose learning and adoption by individuals ensures not only the maintenance and reproduction of certain social relations, but also their development.

The influence of values on the dissemination of practices and the nature of civilian control is determined by several factors:

firstly, values form the general atmosphere of civic engagement and social networking, or, on the contrary, introduce barriers for

them. The development of the situation in the first scenario is the most likely if citizen values are society-oriented. The second option is associated with the dominance of the values, closing social action subjects in a relatively narrow range of individual problems;

secondly, the values define relationship between potential agents of civilian control, as well as between them and the power. Coherence of the values, which control and are controlled, on the one hand, provides a high level of understanding between them and productivity of the cooperation; on the other hand, it reduces the level of criticality;

thirdly, the values form the basis for determining the extent of satisfaction of the municipalities inhabitants with living conditions.

Social justice as a value includes a gnoseological, regulatory, measurement and ideal components. Being at the most critical crossover point between individual and public interests, it is a historically and culturally acceptable measure of equality and liberty of individuals. Moreover, social justice as a value in modern Russian society has a rather high consolidation potential [6]. Consolidation, in this case, means the attitude of public consciousness, which is based on the recognition that social groups and individuals, despite their inherent differences, potentially compatible, capable of cooperation, especially when it comes to maintaining the system.

As G.A. Kovrigina emphasizes rightly: "...social consolidation is one of the prerequisites for the emergence and existence of any society. Strictly speaking, other factors, such as adaptation to environment, economic practices, relations between people and authorities, internal and external security, etc. – in its ultimate effectiveness are also associated with the degree of consolidation of communities and society as a whole" [7]. In so doing, justice, as well as sensitivity to brethren, tribesmen and fellow countrymen is a key to successful social reproduction of society in all its key areas.

Analyzing the phenomenon of social justice we should take into account the ambiguity of its interpretation by the expert community and by the population. As the co-Chairman of

the national strategy Council Josef Diskin points out: “social justice is a basic value of Russian society. Over the past few years it escalated and has become more relevant, and over the past two years citizens evaluate the situation with new standards, with a new view of it. The situation has become simply disastrous because no view of social justice is articulated. Experts don't hold discussions about it”¹.

In our view, the definition of the notion “social justice” is inextricably linked to the analysis of the opposite term – social injustice.

Analyzing the empirical studies of recent years, it should be noted that the views of the population on social injustice often reflect the general tendency of the socioeconomic polarization of modern Russian society. In this regard, very illustrative are the results of a study conducted by the experts of the Swiss financial conglomerate *Credit Suisse*, so, according to the report for 2015, Russia is a country with the world's highest property inequality. According to Rosstat (the Federal State Statistics Service of the Russian Federation), in September 2016, “a decline in the income of population has been continuing for 22 months in a row. The last time a comparable failure of incomes was recorded by Rosstat in December 2008, when they declined immediately by 10.70 % over the previous year”².

The report of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (RAN) stresses: “*social inequalities that existed in Russia today seem to be unfair to all segments of the population regardless of the dynamics of their personal well-being. Such inequalities as excessive income differentiation and inequality in the distribution of private property*

make a particular painful impression”³.

At the same time, sociologists note that Russian society is facing a fairly balanced and calm attitude to the inequality caused by merits of a person, his/her achievements and work. The surveys of the Institute of Sociology of RAN conducted in recent years (2011-2016) show that people of different incomes permit inequalities on fair, under their estimates, grounds of difference in talents and efforts, of more effective work. The population also agrees that the differences in income are fair, if people have equal opportunities to earn money⁴.

Thus, it can be assumed that citizens associate social justice primarily with the ability to access social resources in proportion with their knowledge and merits.

Referring to the studies of the Institute of Integrated Strategic Research of RAN and the Institute of Sociology of RAN (including the research of 2012 “What Russians dream of: ideal and reality”), we note that justice today still occupies an important place in the dreams of people about the future of the country. In choosing options for slogans that would best express the personal dream of Russians about their future, the greatest number of supporters got the option associated with a fairly arranged society – social justice, equal rights for all, strong state care about its citizens. This response was supported by almost half of the population (45 %), while the remaining options significantly lagged behind: the slogans about democracy and freedom of expression of the personality, return of Russia's great power status and provision of social stability was supported by 27 % of the population for each of them, and the rest got less than one fifth of all the votes⁵.

¹“We don't know what we want.” What Russians think about social justice. *Lenta* [Online]. URL: https://lenta.ru/articles/2016/08/14/social_policy. (accessed: 06.11.2017).

² Inequality in the distribution of the cash income of population. *Rosstat*. Official site. [Online]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (accessed: 22.10.2017).

³Social inequality in the sociological dimension. [Online]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_1.html?printmode (accessed: 22.11.2017).

⁴The idea of justice in insights of Russian people. [Online]. URL: <http://pandia.ru/text/78/420/24323.php>. (accessed: 06.11.2017).

⁵Pathology of inequality. The opinion of experts and analysts. [Online]. URL: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/> (accessed: 30.10.2017).

The key elements of the idea of “fair society” from the point of view of Russians are equality of opportunity for all, the active role of the state in the system of social welfare that supports the citizens caught in a difficult situation, income differentiation reflecting the education, qualifications and performance of each individual, but located within reasonable limits – such views are typical of most Russians, regardless of their own situation and the dynamics of their personal well-being that again shows the already established in society and sustainable over time normative-value system, in which justice is one of the most significant motivators to civil actions.

Let's turn to the study “Technology of civilian control in the practice of local self-government: essence, implementation mechanisms, social investigation” conducted by us in 2013 (N=1300), to the question “Why civilian control in Russia is necessary?”. As main reasons the respondents named ownership of local self-government bodies by state authorities (22.44%), prevalence of corrupt relations (44.68 %), abuse of powers committed by the local officials in favor of their interests (46.42 %), simulation in local self-government bodies – officials work just for show (39.85 %). In the structure of those reasons, the perception that civilian control should restore the principle of justice discredited by corruption practices and officialism is clearly visible [5].

At the same time, the majority of respondents who express dissatisfaction with the many injustices do not express real willingness to contribute to overcoming them. In general, the mobilizing potential of justice is very modest in contrast to the query to social justice. V.V. Petukhov stresses: “seeking justice in modern Russia practically does not involve solidarity, willing to fight for the justice” [9]. A.L. Andreev notes that modern society is characterized by “low potential of subsidiarity, underdeveloped sense of community with people living in the same area, in the same locality, unwillingness to collective action for the protection of their group interests” [1]. One is thus put into a situation of contradiction

whereby on the value level remain knowledge and attitudes how is having to be and what should be done, but on the day-to-day level these attitudes are not implemented by citizens in the real-life practice. Citizens primarily remain only spectators to reality, and the idea of civilian control requires active participation in it.

Conclusions. In general, a fairly significant divergence between the normative significance of the values of Justice in the minds of the population and the satisfaction of its implementation in practice can be identified, there is a semantic-value contradiction between the importance of justice and uncertainty about the reality of its accomplishment. High importance of justice solely as a terminal, and nor as an instrumental value does not allow most citizens to formulate a rational responsibility requirement for authorities.

The article was implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Grant "Diagnostics of the consolidation potential of the value of justice in the implementation of civil control in the practice of local self-government" No. 17-33-01031.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interest to declare.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

References

1. Andreev, A. L. (2013), Russian dream: the view of sociologist (in Russ.), *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1, 95-108.
2. Babintsev, V. P. and Zakharov, V. M. (2014), Civilian control in the practice of public service: problems and prospects (in Russ.), *Civil service*, 4, 39-42.
3. Weber, M. (1990), *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], Progress, Moscow. (in Russ.)
4. Gorshkov, M. K. and Tikhonova, N. E. (2013), *Sotsiokul'turnyye faktory konsolidatsii ros-*

siyskogo obshchestva [Sociocultural factors of consolidating Russian society], Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow. (in Russ.)

5. Davtyan, D. V. (2015), *Realizatsiya grazhdanskogo kontrolya v praktike mestnogo samoupravleniya* [The implementation of civilian control in the practice of local self-government]: Dissertation for the Degree of Candidate of Sociology, Belgorod. (in Russ.)

6. Dyl'nova, T. V. (2005), *Sotsial'naya spravedlivost' kak osnova konsolidatsii i razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Social justice as a basis for the consolidation and development of modern Russian society]: Dissertation for the Degree of Doctor of Sociology, Saratov. (in Russ.)

7. Kovrigina, G. D. (2015), *Sotsiokul'turnyye resursy sotsial'noy konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Social and cultural resources of social consolidation of Russian society]: Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophy, Irkutsk. (in Russ.)

8. Levada, Yu. A. (2006), *Ishchem cheloveka: Sotsiologicheskiye ocherki 2000-2005* [Looking for a man. Sociological essays], Moscow. (in Russ.)

9. Petukhov, V. V. (2011), Value palette of modern Russian society: "ideological porridge" or search for new meanings? (in Russ.), *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1, 6-23.

10. Pirogov, G. G., Efimov, B. A. (2008), Social justice: the genesis of ideas (in Russ.), *Sociological Studies*, 9, 3-11.

11. Shmatko, N. A. (1998), "Habitus" in the structure of sociological theory (in Russ.), *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 2 (1), 59-69.

Литература

1. Андреев, А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 95-108.

2. Бабинцев, В.П., Захаров, В.М. Гражданский контроль в практике государственной службы: проблемы и перспективы // Гражданская служба. 2014. № 4. С. 39-42.

3. Вебер, М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: Пер. с нем.

/ Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602-642.

4. Горшков, М.К., Тихонова, Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2013. 54 с.

5. Давтян, Д.В. Реализация гражданского контроля в практике местного самоуправления: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород, 2015. 201 с.

6. Дыльнова, Т.В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества: дис. ... доктора социол. наук: 22.00.04. Саратов, 2005. 341 с.

7. Ковригина, Г.А. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Иркутск, 2015. 183 с.

8. Левада, Ю.А. Ищем человека. Социологические эссе 2000-2005 гг. М., 2006. 381 с.

9. Петухов, В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «кидеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1. С. 6-23.

10. Пирогов, Г.Г., Ефимов, Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 3-11.

11. Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2. С. 59-69.

ABOUT THE AUTHORS:

Dianna V. Davtyan, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Technologies, Institute of Management, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; davtyan@bsu.edu.ru

Maksim V. Selyukov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Institute of Management, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; selyukov@bsu.edu.ru

ОБ АВТОРАХ:

Давтян Дианна Вазгеновна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра социальных технологий, Институт управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; davtyan@bsu.edu.ru

Селюков Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальных технологий, Институт управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; selyukov@bsu.edu.ru

УДК 930.1-930.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-20-29

Пенская Т. М.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ
МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой размышления над особенностями формирования негативной оценки «московского» периода русской истории в отечественной исторической и философской традиции. Возникновение и дальнейшее закрепление и в профессиональном сообществе, и в общественном мнении негативного образа Московского государства и его институтов автор связывает, с одной стороны, с недостатками исторической методологии, свойственной русской исторической школе, а с другой – с доминированием в российском общественном сознании либерального «дискурса». Его требования предопределили особенности подхода к анализу источников, при изучении которых на первый план выдвигались нарративные с их четко выраженным субъективизмом в оценках. Этот субъективизм способствовал формированию и закреплению в историографии отрицательного образа Московии и московского общества. Лишь в последние десятилетия наметился определенный поворот к более взвешенному освещению этой страницы русской истории. Этот новый «дискурс» основан на более тщательном анализе документальных памятников и лишь потом – нарративных.

Ключевые слова: Россия; позднее Средневековье; раннее Новое время; дискурс; методология истории; исторические стереотипы; российская историография; Н.А. Бердяев; В.О. Ключевский.

T. M. Penskaya

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN HISTORICAL
ASSESSMENT OF THE MOSCOW PERIOD
OF RUSSIAN HISTORY

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The article is a reflection on the features of the formation of a negative assessment of the "Moscow" period of Russian history in the domestic historical and philosophical tradition. The author associates the emergence and further consolidation in both the professional community and the public opinion of the negative image of the Moscow state and its institutions with the shortcomings in methodology inherent in the Russian historical school. Another reason for this phenomenon is associated with the dominance of liberal "discourse" in the Russian public opinion. Its requirements predetermined the specifics of the approach to the analysis of various sources. Narrative sources with their clearly expressed subjectivism in the assessments came to the fore. This subjectivism contributed to the formation and consolidation of the negative image of Muscovy and Moscow society in the historiography. Only in recent decades there has been a definite turn towards a more balanced coverage of this page of the

Russian history. The new "discourse" is based on a detailed study of mainly documentary sources and in the second place – on the study of narrative sources.

Keywords: Russia; later Middle Ages; early New Age; discourse; methodology of history; historical stereotypes; Russian historiography; Nikolay A. Berdyaev; Vasily O. Klyuchevsky.

В 1946 г. увидел свет очередной философскийopus Н.А. Бердяева под претенциозным названием «Русская идея», в котором он поделился со своими читателями размышлениями о России, русском народе и их исторической судьбе через призму развития русской мысли от эпохи позднего Средневековья до XX века.

У Н.А. Бердяева «московский» период русской истории (позднее Средневековье – раннее Новое время) – эпоха, описываемая им исключительно в негативных тонах. История России для него вообще имеет характер «прерывистый» и «катастрофический», но, пожалуй, именно для «московского» периода у него не нашлось ни одного доброго слова. «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу», «Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость», «тоталитарный режим Московского царства» («тоталитарный» – эпитет, весьма актуально звучавший в 1946 г. и ставивший на Московскую Русь неизгладимую печать. – *Т.П.*), «исчезновение святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских», «оскудение святости в Московском царстве», «Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю» – негативная бердяевская оценка «московского» периода русской истории более чем очевидна, и не стоит после всего этого удивляться, когда он пишет о том, что де «по недоразумению его («московский» период истории России – *Т.П.*) идеализировали свободолюбивые славянофилы» [5].

С тех пор, как известным русским философом были написаны эти строки, прошло семьдесят с лишком лет. Однако оценка «московского» периода русской истории в массовом общественном сознании,

пожалуй, остается столь же негативной, как и тогда, и раньше, когда русской исторической школой второй половины XIX – начала XX вв. вырабатывалась шаг за шагом негативная оценка той эпохи, воспринятая Бердяевым.

Как же так получилось? В чем причина столь любопытного и вместе с тем странного явления? Почему странного – да потому, что была и иная точка зрения. Несколькими строками выше мы уже отмечали, что для Н.А. Бердяева была очевидной высокая оценка славянофилами «московского» периода русской истории (среди которых, кстати, не было значимых историков). Заметим, что их, славянофилов, точка зрения складывалась еще до того, как в научный оборот был введен основной массив источников по русской истории позднего Средневековья – раннего Нового времени (причем, подчеркнем это особенно – не нарративных источников, но документальных). Следовательно, можно было бы предположить, что с расширением источниковой базы стало бы возможно подойти к оценке внутреннего устройства Московского государства, к характеристике его политического режима, административных, правовых и иных подобных институтов более взвешенно и объективно, *sine ira et studio*.

Увы, эти материалы оказались использованы русскими историками конца XIX – начала XX вв., без преувеличения, бездарно. Отрицательные стереотипы, своего рода «черная легенда», которая сформировалась в первую очередь в западноевропейской *Rossica*, были только закреплены и обрели характер аксиомы. И Бердяев, не будучи профессиональным историком, пошел на поводу у сформировавшегося в русском историческом сообществе негатива.

Так почему же так вышло? Ведь еще В.О. Ключевский отмечал в свое время, что «нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия – она многое обработала». Однако, воздав должное трудолюбию отечественных историков, далее он продолжал: «Я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала» [14, с. 5]. И перечисляя наиболее значимые на тот момент, по его мнению, недостатки отечественной исторической науки, он указывал, к примеру, на «слабость ответственности» со стороны исследователей. Она проявлялась в том, что русские историки «не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее, вообще наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений» [14, с. 6].

Эти строки были написаны в 1884/1885 гг., но спустя сто и больше лет воз, по большому счету, остался на прежнем месте. Историк Е.С. Корчмина, характеризуя состояние исследований в сфере ее научных интересов, отмечала, что «обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное (курсив мой. – Т.П.). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым еще предстоит дать ответ...» [16, с. 78]. И хотя сказано это было по частному вопросу, однако же, эти слова могут быть отнесены и ко многим другим проблемам отечественной истории – в том числе и к истории России «московского» периода. Нетрудно заметить, что проблема, обозначенная Ключевским, не решена и спустя сто с лишком лет – стремление к теоретическим обобщениям явно опережает темпы накопления эмпирического материала.

Однако применительно к нашему периоду можно возразить – в определенном смысле, есть некий предел накопления эмпирического опыта, ибо не секрет, что сохранность документальной базы по русской истории «московского» периода, в особенности до-смутного времени, крайне недостаточна. Да, это так, но вместе с тем и на это возражение есть контрдовод. Известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич как-то отмечал, что «историк находит в изучаемых им источниках, собственно, лишь то, о чем их вопрошает» [9]. Итак, историк подходит к документу с заранее сформированным «опросником» и, «спрашивая» источник, получает от него тот ответ, который следует из заданного вопроса – как известно, правильно сформулированный вопрос есть половина ответа.

Но каким образом историк формулирует свой «опросник», какие факторы оказывают на него влияние в ходе этого чрезвычайно важного процесса? Ответ на этот вопрос представляется достаточно простым – в первую очередь, это та среда, в которой он формировался как личность, как профессионал, как исследователь. И пресловутый «мейнстрим» здесь играет отнюдь не последнюю, если не первостепенную, роль, определяя во многом и тематику исследований, и их направленность, и акценты, расставляемые в ходе исследований, и многое, многое другое. Немногие способны на то, чтобы попытаться пойти наперекор «мейнстриму». Говоря же о «мейнстриме», который определял развитие русского исторического сообщества, мы осмелимся высказать тезис – начиная со времен Карамзина и его «Истории государства Российского», определяющее воздействие на его, русского исторического «мейнстрима», эволюцию оказывал, условно говоря, «либеральный» дискурс (и его наиболее радикальное ответвление – «тираноборческое»). Трагедия русской интеллигенции (а историки – ее неотъемлемая часть) заключалась в том (и об этом говорили и писали многие и в самой России, и за ее пределами – да хоть и

тот же Бердяев), что она практически всегда находилась (и продолжает находиться), в большей или меньшей степени, в оппозиции по отношению к власти.

Эта оппозиционность в условиях взаимного непонимания власти и либеральной оппозиции, неготовности сторон к диалогу и поиску взаимоприемлемого компромисса неизбежно вела к тому, что применительно к тематике исторических исследований выбираемые сюжеты неизбежно рассматривались и анализировались под вполне определенным, заранее заданным углом зрения, с соответствующей расстановкой акцентов. Но иначе и быть не могло, ибо «мейнстримный» либерально-тираноборческий «дискурс» диктовал и соответствующий «опросник», с которым историк подходил к источнику, и предопределял характер получаемых выводов. А если к этому добавить еще и недостатки самого исторического метода, свойственного русской исторической науке, столь ярко описанные В.О. Ключевским (и от которого она не избавилась, как показано выше, и по сей день), то удивляться результатам не приходится.

В самом деле, при таковой заданности и «потребительском» отношении к источникам мнение, предположим, того же С. Герберштейна о тираническом характере власти московского государя («властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира» и «всех одинаково гнетет он жестоким рабством» [8, с. 72]) превращалось в доказанное положение, в истину в последней инстанции. Эта истина не нуждалась в дополнительных обоснованиях и, подкрепленная весомыми мнениями авторитетов, воспринималась как реальность. И неважно, что тезис о деспотическом характере власти московского государя был позаимствован из нарративного памятника, субъективный характер которого не вызывал сомнения. Никто не задумался над тем, что Герберштейн (сознательно или по неведению, не разобравшись в хитросплетениях московской политики – это уже другой вопрос) принял за чистую монету декларации

официальной московской пропаганды, превозносившей и возвеличивавшей своего государя (и эта пропаганда служила, как отмечала американская исследовательница Н. Коллманн, дополнительным средством укрепления легитимности правящей династии [15, с. 20]), ибо выдвинутый им тезис прекрасно укладывался в пресловутый либеральный «дискурс».

Как этот либеральный «дискурс», исходивший из деспотической природы власти московских государей, сочетался с тем, что, по словам той же Н. Коллманн, «централизованная структура управления не становилась неподъемным бременем для общества», поскольку «государство ставило перед собой минимальные задачи, сводившиеся к военным вопросам, сбору налогов, мобилизации ресурсов и верховной юрисдикции», совершенно непонятно. Ведь при слабом развитии «жил власти» (термин Н. Коллманн) государство «нуждалось в сотрудничестве сообщества, чтобы заполнить штатами хотя бы в минимальной степени структуру централизованного управления» и, как следствие, «местное население “выбирало” из своей среды людей для службы губными старостами, целовальниками, приставами, тюремными сторожами, палачами, головами в кабацком деле и других государственных монополиях», «все годные мужчины собирались в отряды, преследовавшие преступников», а «крестьянские волости, посадские общины, частновладельческие и монастырские вотчины своими силами решали все вопросы местного управления, за исключением уголовных и более серьезных дел» [15, с. 523]. И ведь всё то, о чем пишет Коллманн, было, в принципе, очевидно еще во второй половине XIX в., ибо, как уже было отмечено выше, основной массив сохранившихся актовых материалов конца XV–XVI вв. был к тому времени опубликован. Для этого нужно было только не торопиться с далеко идущими выводами и глобальными обобщениями, а вдумчиво, непредвзято проанализировать пусть и немногочисленный, но, тем не менее, красноречивый актовый материал. Но

сделано это не было, усилия большей части профессионального исторического сообщества были направлены на формирование иной, негативной точки зрения. А славянофилы, подчеркнем это еще раз, не имея в своем распоряжении этой источниковой базы, тем не менее сумели заметить эти особенности политического устройства Русского государства. Сработал принцип «позиции внаходимости»?

В то время методики работы с источниками были еще не отработаны в должной степени, и ошибки, подобные этой, были неизбежны. Однако и потом, спустя полстолетия и даже больше, допущенная aberrация не была исправлена. Возьмем, к примеру, С.Б. Веселовского, одного из крупнейших отечественных историков и признанного знатока истории XVI в. Критикуя Ивана Грозного и отказывая ему в наличии сколько-нибудь серьезных государственных талантов, он обосновывал свой тезис тем, что после роспуска так называемой «Избранной Рады» «до самых последних лет его (Ивана – Т.П.) сколько-нибудь значительных реформ не было» [7, с. 147]. Тем не менее, зададимся вопросом – а, быть может, осуществленные в конце 30–50-х гг. XVI в. «реформы» (начатые вовсе не при «Избранной Раде», если таковая вообще существовала, о чем в свое время писал А.И. Филюшкин, а задолго до нее, еще «правительством» Елены Глинской) достигли своей цели и привели к созданию достаточно действенной и эффективной государственной машины, основанной на взаимодействии и сотрудничестве верховной власти и «земли»? И если эта машина была эффективной и позволяла Ивану Грозному на протяжении двух десятилетий вести тяжелую и разорительную войну на два фронта – стоило ли в таком случае что-либо менять только ради того, чтобы заслужить «похвалу» позднейших историков? Высканное нами предположение представляется более обоснованным, нежели гиперкритическая точка зрения маститого историка.

Другой, еще более показательный пример – рассуждения другого известного историка А.А. Зимина о «витязе на распутье». «Н.Е. Носов высказал плодотворную мысль о том, – писал он, – что в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?». И, в развитие этой мысли, продолжал: «Крепостнической, крестьянской и монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян». Победа Москвы в этом противостоянии и «гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода» и ни много ни мало, а «кровавое зарево опричнины», «ярмо крепостного права» и т.п. [10, с. 209-210]. И эти строки были написаны историком, который по праву считается одним из ведущих специалистов по истории России «московского» периода!

Вообще, любопытно наблюдать за тем, как, анализируя одни и те же тексты, историки разных школ и направлений, придерживающиеся разных «дискурсов», приходят к разным, порой противоположным результатам. Достаточно сравнить приведенные выше построения А.А. Зимина (выдержанные, кстати, во вполне традиционном для советской историографии духе, почему говорить об отказе позднего Зимина от марксистской парадигмы представляется несколько преждевременным) и его позднейших единомышленников относительно «московского деспотизма», который они видят уже в первой половине XV в., и тезисы, которые лежат в основе нового «дискурса», который вырабатывается и за рубежом, и в самой современной России.

Говоря о новом «дискурсе», мы имеем в виду своего рода поворот к более взвешенному и в определенном смысле комплементарному подходу к оценке «московского» периода, в чем-то схожему с точкой зрения славянофилов, – подходу, который

наметился пару десятилетий назад в зарубежной историографии.

Несколько лет назад отечественный исследователь М.М. Кром в предисловии к работе американского историка В. Кивельсон «Картография царства: земля и ее значение в России XVII века» отмечал, что суть предложенной ею в 1996 г. в работе «Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century» оригинальной концепции ранне-модерной русской монархии заключалась в том, что она, «подобно другим европейским государствам начала Нового времени, нуждалась в поддержке и содействии различных групп населения (курсив мой. – Т.П.), находивших в рамках существующей правовой и политической системы возможности для защиты своих прав и интересов...» [13, с. 9, 10].

Этот новый «дискурс», основанный на более глубокой и тщательной проработке и анализе документальных, а не нарративных, памятников эпохи, де-факто означал, что В. Кивельсон и ее последователи (такие, как, например, американский же историк Н. Коллманн и ряд других зарубежных исследователей) применили к русской действительности концепцию так называемого «composite state», предложенную британскими историками Г. Кенигсбергером и Дж. Эллиотом [см.: 20; 24], поставив Московию в один ряд с другими ранне-модерными государствами – соседями России. В такого рода «поскутном» государстве верховная власть была вынуждена взаимодействовать с местными сообществами и элитами (составлявшими «политическую нацию»), передоверяя им часть властных полномочий, в особенности в фискальной сфере и вопросах поддержания правопорядка и осуществления правосудия. «Composite state» по определению не могло быть деспотическим, поскольку являлось результатом своего рода компромисса между правящей верхушкой и провинциальными элитами и сообществами, а также продуктом долгого эволюционного процесса «притирки» интересов верховной власти и «политической нации».

Что самое интересное – этот новый взгляд формируется не у нас, не в России, не отечественными историками и школами, но в первую очередь за рубежом. Сработал ли здесь принцип «позиции внаходимости», о котором говорил А.Я. Гуревич, или что-то иное – не суть важно, важно, что новый взгляд был сформулирован, введен в научный оборот и стал предметом обсуждения и дискуссий – опять же за рубежом в первую очередь (см., например, дискуссию на страницах журнала «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History» в 2002 г. [см.: 21; 23; 25]). А ведь еще в 1991 г., характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во второй половине XV–XVI вв., академик Н.Н. Покровский писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексева, что «власть эта (Ивана III и его преемников – Т.П.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-“города” и пр. – Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» [1, с. 5-6].

Увы, нет пророка в своем Отечестве, и этот интересный, необычный и вместе с тем перспективный тезис остался незамеченным. Впрочем, этого и стоило ожидать, учитывая время, когда он был высказан. Точно так же остался незамеченным и другой тезис, точнее, концепция, которая десятилетие спустя была сформулирована Ю.Г. Алексеевым. По его мнению, Россий-

ское государство, которое возникло во второй половине XV в., «можно назвать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья... Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье (здесь мы все же не согласимся с мнением авторитетного историка, поскольку отсутствие некоей «великой хартии вольностей» между государем и его подданными вовсе не означает отсутствия «договора» вообще, хотя бы и в неписанной форме, в форме традиции, обычая, «старинны», которые сами по себе имели силу закона, и закона нерушимого, непреложного. – Т.П.). Отсутствие договорных отношений было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...» [2, с. 431-433].

Лишь в последние годы дело как будто постепенно сдвинулось с мертвой точки и появился ряд любопытных исследований, в

которых подвергаются сомнению традиционные, устоявшиеся стереотипы восприятия Московского царства. Достаточно упомянуть работы таких историков, как В.А. Аракчеев, М.М. Бенцианов, В.В. Бovyкин, М.М. Кром, А.И. Филюшкин и другие [см.: 3; 4; 17; 18].

Тем не менее, хотя определенные подвижки налицо, «великий стереотип» остается в силе и продолжает господствовать в массовом общественном сознании, «подпитываемый» и историками, и журналистами. Достаточно, к примеру, просмотреть соответствующие разделы в коллективном труде И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Соколова [12] или теорию «самодержавной революции» 60-х гг. XVI в., которую развивает А.Л. Янов [19], не говоря уже о подготовленном Вольным Историческим обществом в начале 2017 г. докладе с претенциозным и более чем двусмысленным названием «Какое прошлое нужно будущему России» [11]. Это желание «переписать» историю в нужном ракурсе (и неважно, с чьей стороны оно происходит), даже и с благими целями, не может не внушать опасений. Остается надеяться, что российское историческое сообщество всё же сумеет учесть ошибки прошлого и избежать очередного соблазна поспешить с далеко идущими выводами и обобщениями, основанными на предвзятых и субъективных оценочных суждениях.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

4. Бенцианов, М.М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 241-277.

5. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berdrusidea.htm#glava1> (дата обращения: 16.12.2017).

6. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

7. Веселовский, С.Б. Московское государство XV–XVII вв. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.

8. Герберштейн, С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.

9. Гуревич, А.Я. История в человеческом измерении (размышления медиевиста) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 17.12.2017).

10. Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.

11. Какое прошлое нужно будущему России Доклад Вольного Исторического общества (подготовлен при поддержке Комитета гражданских инициатив). [Электронный ресурс] URL: <https://komitetgi.ru/service/Сборка.pdf> (дата обращения: 17.12.2017).

12. Карацуба, И.В., Курукин, И.В., Соколов, Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

13. Кивельсон, В. Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

14. Ключевский, В.О. Методология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 5-94.

15. Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 610 с.

16. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77-91.

17. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

18. Филюшкин, А.И. Московская неонаральная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5-20.

19. Янов, А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе происхождения русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

20. Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. 1992. Pp. 48-71.

21. Halperin, C.J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 3. No. 3 (New Series). 2002. Pp. 501-507.

22. Kivelson, V.A. Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford. Stanford University Press. 1996. 396 p.

23. Kivelson, V. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 3. No. 3. Summer 2002 (New Series). Pp. 487-499.

24. Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No. 2. Pp. 191-217.

25. Poe, M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 3. No. 3 (New Series). 2002. Pp. 473-486.

References

1. Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar' vseja Rusi* [The Emperor of all Russia], Nauka, Novosibirsk, Russia. (in Russ.)

2. Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The court book by Ivan III. Tradition and reform], Dmitriy Bulanin, St.Petersburg, Russia. (in Russ.)

3. Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast' i "zemlya". Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [The power and "ground". Government policy in respect of taxpaying estates in Russia in the second half of the XVI – early XVII centuries], Drevlehranilische, Moscow, Russia. (in Russ.)

4. Bentsianov, M. M. (2000), The Knights "Novgorodskie landowners". The Serving Corporation in Novgorod in the late XV – mid-XVI centuries (in Russ.), *Novgorod Russia: historical space and cultural heritage. Ekaterinburg: Bank of cultural information* (Problemy istorii Rossii. Tom 3) [Problems of Russian history. Vol. 3], 241-277.
5. Berdyaev N. A. (1990), *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachyala XX veka* [Russian idea. The main problems of the Russian thought of the XIX century and early XX century] (in Russ.), available at: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berdrusidea.htm#glava1> (date of access: October 16, 2017).
6. Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local government in the Russian state in the XVI century], Dmitriy Bulanin, St.Petersburg, Russia. (in Russ.)
7. Veselovskiy, S. B. (2008), *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [Moscow state of the XV-XVII centuries], AIRO-XXI, Moscow, Russia. (in Russ.)
8. Herberstein, S. (1988), *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs], MSU, Moscow, Russia. (in Russ.)
9. Gurevich, A. Ya. (2005), History in the human dimension (reflections of a Medievalist) (in Russ.), *New Literary Observer*, 75, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (date of access: October 17, 2017).
10. Zimin, A. A. (1991), *Vityaz' na rasput'e* [A knight at the crossroads], Mysl', Moscow, Russia. (in Russ.)
11. *Kakoe proshloe nuzhno buduschemu Rossii. Doklad Vol'nogo Istoricheskogo obshchestva* [What background is necessary for the future of Russia. Report of the Free Historical society] (in Russ.), available at: <https://komitetgi.ru/service/Сборка.pdf> (date of access: October 17, 2017).
12. Karatsuba, I. V., Kurakin, I. V. and Sokolov, N. P. (2005), *Vybiraya svoyu istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot Ryurikovichej do oligarhov* [Choosing your story. "Branching" on the way of Russia: from Rurik to oligarchs], KoLibri, Moscow, Russia. (in Russ.)
13. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya carstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the XVII century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
14. Klyuchevskiy, V. O. (1989), Methodology of Russian history (in Russ.), *Klyuchevskiy, V. O. Sochineniya v devyati tomah. T. VIII. Special'nye kursy* [Klyuchevskiy, V. O. Works in nine volumes. Vol. VIII Special courses], Mysl', Moscow, Russia, 5-94.
15. Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in Russia of the early Modern time], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
16. Korchmina, E. S. (2013), "Many millions of the public Treasury are in the dark" arrears of poll tax in 1720-1760 years (in Russ.), *Rossiyskaya Istoriya*, 5, 77-91.
17. Krom, M. M. (2010), *"Vdovstvstvuyuschee carstvo": politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka* ["Widowhood Kingdom": the political crisis in Russia in 30-40-s of the XVI century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
18. Filushkin, A. I. (2009), Neonatal Moscow Empire: the question of the categories of political practice (in Russ.), *Vestnik of Saint Petersburg University (History)*, 2, 5-20.
19. Yanov, A. L. (2001), *Rossiya: u istokov tragedii. 1462-1584. Zametki o prirode proishozhdeniya russkoj gosudarstvennosti* [Russia: at the origins of the tragedy. 1462-1584. Notes on the nature of the origin of the Russian statehood], *Progress-Traditsiya*, Moscow, Russia. (in Russ.)
20. Elliott, J. H. (1992), A Europe of Composite Monarchies, *Past & Present*, 137, The Cultural and Political Construction of Europe, 48-71.
21. Halperin, C. J. (2002), Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), (New Series), 501-507.
22. Kivelson, V. A. (1996), *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*, Stanford University Press, Stanford, USA.
23. Kivelson, V. (2002), On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), 487-499.
24. Koenigsberger, H. G. (1978), Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale, *Theory and Society*, 5, (2), 191-217.
25. Poe, M. (2002), The Truth about Muscovy, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), (New Series), 473-486.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Socio-Theological Faculty, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskaya@bsu.edu.ru

**АРХИВ
ARCHIVE**

УДК 929

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-30-48

Московкин В. М.

**О КРУПНОМ ДЕЯТЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ
А. К. ДИМИТРИУ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *moskovkin@bsu.edu.ru*

Аннотация. В работе анализируются материалы исследований белгородских и воронежских ученых о деятельности А.К. Димитриу (1857-1925) в Белгороде и Воронеже. Изучены официальные документы по Харьковскому учебному округу (1906-1913), Одесскому учебному округу (1895-1897) и Императорскому Новороссийскому университету (1895-1903) в аспекте жизнедеятельности А.К. Димитриу и его окружения. Анализ документов, относящихся к Одесскому учебному округу и Императорскому Новороссийскому университету, показал, что А.К. Димитриу не работал преподавателем Императорского Новороссийского университета, как отмечалось в других исследованиях. Особый интерес представляет анализ фотографий и документов из семейного архива А.К. Димитриу, предоставленных автору профессором Н.Л. Потаниной из Тамбова вместе с комментариями к ним. Отмечается необходимость специального изучения одесского периода жизнедеятельности А.К. Димитриу после окончания университета, чтобы понять предпосылки быстрого взлета его научной мысли и публикации двух выдающихся статей по византистике в 1894-1895 гг.

Ключевые слова: А.К. Димитриу; Императорский Новороссийский университет; Харьковский учебный округ; Одесский учебный округ; Белгородский учительский институт; Воронежский учительский институт.

V. M. Moskovkin

**ABOUT ALEKSEY DIMITRIU – AN OUTSTANDING FIGURE
OF THE PUBLIC EDUCATION OF KURSK
AND VORONEZH PROVINCES**

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the research works of Belgorod and Voronezh scientists about the activities of A.K. Dimitriu (1857-1925) in Belgorod and Voronezh. It also studies the official documents on the Kharkov School District (1906-1913), the Odessa School District (1895-1897) and Imperial Novorossiysk University (1895-1903) in the context of the vital activity of A.K. Dimitriu and his entourage. The analysis of documents relating to the Odessa School District and the Imperial Novorossiysk University shows that A.K. Dimitriu did not work as a teacher at the Imperial Novorossiysk University, as noted in other studies. Of particular interest is the analysis of photographs and documents from the family archive of A.K. Dimitriu,

provided to the author by Professor N.L. Potanina from Tambov together with the comments. The article also notes a need for a special study of the Odessa period to A.K. Dmitriy's life activities after graduating from the university in order to understand the reasons for the rapid rise of his scientific thought and the publication of two outstanding articles on Byzantine studies in 1894-95.

Key words: Aleksey K. Dimitriy; Imperial Novorossiysk University; Kharkov School District; Odessa School District; Belgorod Teachers' Training Institute; Voronezh Teacher's Institute.

Введение

До сих пор не полностью выявлена роль замечательного педагога и исследователя Алексея Константиновича Димитриу в развитии народного образования Курской и Воронежской губернии. До недавнего времени имелись только разрозненные и не связанные между собой исследования, описывающие деятельность А.К. Димитриу в Белгороде и Воронеже [6, 7]. Почти во всех старых работах по изучению истории развития Белгородского учительского института он лишь упоминался как один из директоров этого института в период с 1906 по 1914 год [1, 2, 4, 8]. Единственным исключением является работа «От учительского института к государственному университету» [9], где детально рассматривается деятельность Белгородского педагогического кружка, в которой А.К. Димитриу играл ключевую роль.

О воронежском периоде жизнедеятельности А.К. Димитриу можно судить по работам Т.Н. Чернобоевой [11, 12] и Е.В. Кривотуловой [5]. При этом любопытно, что исследователи белгородского периода жизнедеятельности А.К. Димитриу ничего не пишут о его воронежском периоде и наоборот.

Нами был описан крупный вклад А.К. Димитриу в византистику [6], но очень мало сведений имеется о его вкладе в методологию обучения в средней и высшей школе.

Основными документальными источниками о жизнедеятельности А.К. Димитриу, которые изучались в литературе до

2011 г., являются «Отчет о деятельности Белгородского педагогического кружка за 1910-1911 гг.»¹, материалы Государственного архива Воронежской области² и «Некролог», опубликованный в газете «Воронежская коммуна» 29 марта 1925 г. П.А. Григоровым [3]. Первый источник изучался в работе А.М. Болговой [2], а остальные два – в трудах Т.Н. Чернобоевой [11, 12] и Е.В. Кривотуловой [5]. Ввиду важности этих первоисточников сделаем краткий их обзор по литературным данным, учитывая, что наиболее важный вторичный источник [9], опубликованный в 1996 г., в открытом доступе не представлен.

Деятельность А.К. Димитриу в созданном им Белгородском педагогическом кружке

На момент открытия Белгородского педагогического кружка в Белгороде насчитывалось около двадцати учебных заведений, среди которых Белгородский учительский институт занимал центральное место по разработке и обсуждению педагогических вопросов. В институте работали десять преподавателей с университетским образованием. Директор этого института А.К. Димитриу в конце февраля – начале марта 1907 г. участвовал в Петербурге в министерском совещании директоров и преподавателей учительских институтов, на котором обсуждались меры по улучшению деятельности этих институтов. 7 сентября этого же года он обратился ко всем начальникам и учредителям учебных заведений

¹ Отчет о деятельности Белгородского педагогического кружка за 1910-1911 год (первый год существования). Белгород. 1911. С. 4-12.

² ГАВО. Ф. 8 и 9. Оп. №1. Ед. хр. №3.

г. Белгорода с письмом, в котором обосновывал необходимость обмена знаниями в области образования и школьной жизни. На его призыв по открытию педагогического кружка откликнулся весь состав преподавателей учительского института, мужской и женской гимназий, частных средних учебных заведений – реального училища госпожи В.Р. Рор, женских гимназий Н.А. Федченко и В.И. Коротковой, духовной семинарии и епархиального женского училища, городского училища при учительском институте, многие учителя городских приходских школ – всего 45 человек³. Все они изъявили полную готовность войти в состав кружка [9].

В это же время А.К. Димитрию обратился к руководству Харьковского учебного округа с ходатайством о разрешении учредить в г. Белгороде педагогический кружок, о принятии последнего в ведение министерства народного просвещения и об утверждении уже разработанного проекта его Устава. Но из-за бюрократической волокиты Устав Белгородского педагогического кружка был утвержден лишь 2 января 1910 г., а организационное собрание учредителей для избрания правления кружка состоялось 2 февраля 1910 г. Закрытым голосованием были избраны: председателем кружка – директор учительского института А.К. Димитрию, товарищем председателя – директор мужской гимназии Н.С. Иваницкий, казначеем – преподаватель института Д.В. Солодов, секретарем – законоучитель института, священник А.Г. Попов, членами правления – инспектор мужской гимназии М.И. Суханов и преподаватель женской гимназии В.И. Шепетов⁴ [9].

Торжественное открытие Белгородского педагогического кружка состоялось 21 февраля 1910 г. в храме мужской гимназии после благодарственного молебна, по-

сле чего в актовом зале гимназии председатель кружка А.К. Димитрию выступил с приветственной речью, в которой он отметил, что в дополнение к родительским комитетам, участие родителей в педагогическом кружке значительно усилит их взаимные отношения с педагогами, позволит лучше понять нужды учителей и чаяния родителей. С приветственными речами на собрании кружка выступили: попечитель Харьковского учебного округа П.Е. Соколовский, Преосвященный Епископ Белгородский Иоанникий (выделивший в пользу педагогического кружка 20 рублей), окружной инспектор Харьковского учебного округа Н.Д. Арбеков и др.⁵ [9].

В конце 1910 г. на основе педагогического кружка образовалось Педагогическое общество, объединившее в своем составе 93 действительных члена и 42 члена-соревнователя. На членские взносы (440 рублей) была приобретена библиотека. Работали платные лектории и кинематограф. Так, от лекций преподавателей института Д.В. Солодова «Экскурсия учащихся и студентов в Крым», А.В. Серебрянникова «История земли и животного царства», Н.А. Федченко «Школа в борьбе с алкоголизмом», Е.Г. Серебрякова «Кинематограф на службе у педагогики», Н.П. Мильского «О комете Галлея», А.К. Димитрию «Экспериментальное исследование личности», сопровождавшихся богатой иллюстрацией с помощью картин, применением проекционного аппарата и кинематографа, в кассу педобщества поступило 76 руб. 38 коп.⁶ [9].

В это же время при учительском институте был создан литературно-историко-краеведческий музей. Заведующим музеем и библиотекой был избран Д.В. Солодов. Пособия, экспонаты и литература постоянно пополнялись и выдавались для временного пользования нуждающимся в них учебным заведениям всех типов г. Белгорода⁷ [9].

³ Отчет о деятельности Белгородского педагогического кружка за 1910-1911 год.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

За первый год работы членами педагогического общества было проведено 18 заседаний, на которых заслушивались доклады и рефераты по насущным вопросам учебно-воспитательной работы, делался обзор новинок и раскрывалось содержание важнейших статей из обширной педагогической литературы. Их тематика представляет интерес и сегодня: А.К. Димитриу – «К вопросу о разумных развлечениях для учащихся» и «Краткий очерк жизни и деятельности Уильяма Джемса (1842-1910), американского философа и психолога»; А.Н. Красовский – «Природа религиозного чувства в связи с вопросом о религиозном воспитании» и «О свободном воспитании»; П. Амфитеатров – «О религиозно-нравственном воспитании»; Н.К. Середенко – «О значении гимнастики в деле воспитания»; Д.В. Солодов – «Детская литература и дошкольное воспитание»; Е.А. Будякова – «О школьных клубах»; Н.П. Мильский – «Очерки истории развития арифметики». На заседании, посвященном памяти Н.И. Пирогова (1818-1881), с докладами «О деятельности Н.И. Пирогова как педагога» и «Н.И. Пирогов – всемирно известный врач» выступили Е. Попов и С.И. Голяховский⁸ [9]. Отсюда видим, что тематика докладов носила ярко выраженный нравственно-воспитательный и историко-познавательный характер.

Аналитический обзор избранных официальных документов в аспекте деятельности А. К. Димитриу и его окружения

Приведенные выше сведения показывают профессиональную среду А.К. Димитриу и сферу интересов окружавших его педагогов. Среди вышеназванных лекторов Белгородского педагогического кружка, которые делали свои доклады в 1910 г., трое, согласно изученному нами в Цен-

тральной научной библиотеке (ЦНБ) Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина «Списку лиц, служащих по Харьковскому учебному округу в 1910 г.»⁹, были преподавателями Белгородского учительского института: Евгений Николаевич Попов (10 января 1870 г. рождения), преподаватель русского языка и словесности (он же преподаватель женской гимназии), кандидат богословия, окончил Московскую духовную академию, в институте работал с 17 октября 1906 г. Дмитрий Васильевич Солодов, преподаватель истории и географии (он же преподаватель женской гимназии), родился 8 октября 1879 г., окончил Лазаревский институт восточных языков и историко-филологический факультет Императорского Московского университета с дипломом I степени по историческому отделению, в институте с 1 января 1907 г. Николай Андреевич Федченко, преподаватель естествознания и физики (он же преподаватель женской гимназии), родился 24 ноября 1871 г., окончил физико-математический факультет Императорского Харьковского университета с дипломом I степени по отделению естественных наук, в институте с 12 марта 1909 г.

Приведем аналогичные сведения о директоре Белгородского учительского института из этого же издания: статский советник Алексей Константинович Димитриу (он же председатель педсовета женской гимназии) родился 17 марта 1857 г., окончил историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета с дипломом I степени по отделению древних языков и истории, в институте с 30 сентября 1906 г. При этом также отмечено, что он состоял в службе с 5 августа 1895 г., в ведомстве – с 30 сентября 1906 г. и имел V класс должности.

Эти сведения говорят о том, что А.К. Димитриу до поступления на работу в

⁸ Там же.

⁹ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1910 г. Выпуск 1. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и Сыновья, 1911. С. 320-322.

Белгородский учительский институт не работал в учебных заведениях министерства народного просвещения, поэтому сведения, приведенные в работе «От учительского института к Государственному университету...» [9], о том, что он был лектором Императорского Новороссийского университета, по-видимому, ошибочны. Наш просмотр «Обзрений преподавания» за 1895-1896, 1896-1897 уч. г. и «Отчетов о состоянии деятельности» этого университета за 1901-1903 гг. не привел к обнаружению в них фамилии А.К. Димитриу. То же самое относится и к «Спискам лиц, служащих в Одесском учебном округе» за 1895-1896 и 1896-1897 уч. гг. Наш интернет-мониторинг позволил установить, что в 1901 г. А.К. Димитриу работал в Одессе в трех частных женских гимназиях: Одесской женской гимназии учительницы Г.Р. Березиной (учитель истории); Одесской женской гимназии, учрежденной А.И. Бракенгеймер (учитель истории и географии); Одесской женской гимназии, содержавшейся О.Г. Шольц (учитель истории и географии)¹⁰.

Видимо, поэтому после переезда в Белгород он, наряду с руководством Белгородским учительским институтом, стал активно работать и в Белгородской женской гимназии. Из преподавателей учительского института в этой гимназии в 1910 г. работали вышеуказанные Е.Н. Попов, Д.В. Солодов, Н.А. Федченко, а также учитель рисования и черчения Михаил Васильевич Игумнов (родился 19 ноября 1867 г., окончил педагогический курс Академии художеств, в институте с 7 октября 1902 г.)¹¹.

Наш детальный просмотр Циркуляров по Харьковскому учебному округу за 1906 г., которые хранятся в ЦНБ Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, позволил обнаружить «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» от 30 сентября 1906 г. (№ 72), в котором указано, что состоящий за штатом директор Люблинского семиклассного коммерческого училища, надворный советник Димитриу переводится на службу по ведомству Министерства народного просвещения директором Белгородского учительского института¹². Эти сведения согласуются с данными из «Списка лицам, служащим по Харьковскому учебному округу за 1910 г.»¹³, приведенными выше. Следует отметить, что г. Люблин находился в то время в пределах Варшавского учебного округа, но коммерческие училища в начале XX в. числились по ведомству Министерства финансов, а с 1906 г. по Министерству торговли и промышленности.

Приведем сведения по преподавательскому составу Белгородского учительского института согласно «Списку лицам, служащим по Харьковскому учебному округу в 1913 г.»¹⁴ (табл. 1). Это был последний год работы А.К. Димитриу в этом институте перед переходом его в Воронежский учительский институт. Из этой таблицы отчетливо виден высокий образовательный уровень преподавателей по основным предметам. Двое из них имели степени кандидатов физико-математического факультета Императорского Харьковского университета. Художественно-музыкальные и спортивные предметы вели преподаватели, обучавшиеся в Санкт-Петербурге и Праге (табл. 1).

¹⁰ Список должностных лиц Одессы – Министерство народного просвещения. Адрес-календарь Херсонской губернии. 1901 г. [Электронный ресурс] URL: http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/1901_Odessa_narprosv.htm (дата обращения: 17.07.2017).

¹¹ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1910 г. Выпуск 1. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и Сыновья, 1911. С. 320-322.

¹² См.: Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1906. № 11. С. 5.

¹³ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1910 г. Выпуск 1. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и Сыновья, 1911. С. 320-322.

¹⁴ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1913 г. Часть 1. Харьков: Типо-литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1913. С. 450-452.

Таблица 1

Руководство и преподаватели Белгородского учительского института, 1913 г.

Table 1

Heads and teachers of Belgorod Teachers' Training Institute, 1913

Руководство, преподаватели	Дата рождения, в службе и ведомстве	В должности и в заведении, класс должности	В настоящем чине	Последняя награда
Директор – с. с. Алексей Константинович Димитриу (он же председатель педсовета женской гимназии), Императорский Новороссийский университет, историко-филологический факультет, отделение древних языков и истории, со званием учителя гимназии и дипломом I степени, православной веры. Ордена св. Анны и св. Станислава II степени. Жалование 1200 р., столовые 800 р., и 20 % прибавка 400 р., итого 2400 р. Казенная квартира.	Род. 17 марта 1857 г. 5 августа 1895 г. 30 сентября 1906 г.	30 сентября 1906 г. V	24 декабря 1908 г.	1 января 1909 г. Орден св. Анны II степени
Законоучитель – священник Алексей Гаврилович Попов, Курская духовная семинария по 2 разряду, православной веры. Имеет скуфию и набедренник. Жалование 650 р., столовые 550 р., 20 % прибавка 240 р., за секретарство 100 р., итого 1540 р.	Род. 22 февраля 1868 г. 20 июля 1888 г. 8 ноября 1906 г.	8 ноября 1906 г.	-	17 апреля 1904 г. Скуфия
Русский язык и словесность – священник Евгений Николаевич Попов (он же преподаватель женской гимназии), кандидат богословия, Московская Духовная Академия, православной веры. Имеет камилавку, скуфию и набедренник. Жалование 650 р., столовые 550 р., 20 % прибавка 240 р., итого 1440 р.	Род. 10 января 1870 г. 1 декабря 1895 г. 1 сентября 1900 г.	17 октября 1906 г.	-	6 мая 1905 г. Камилавка
Математика – с. с. Иван Дмитриевич Штукарев, Императорский Харьковский Университет, физико-математический факультет, отделение математических наук, со званием учителя гимназии, православной веры.	Род. 2 сентября 1850 г. 23 мая 1880 г. с 31 декабря 1899 г. по 15 июля 1900 г.	15 июля 1900 г. VIII	9 декабря 1892 г.	1 января 1903 г. Орден св. Станислава 2 степени

Ордена св. Станислава 2 степени и св. Анны 3 степени, серебряная медаль в память царя Императора Александра III. Жалование 650 р., столовые 550 р., пенсия 650 р. (с 1 июля 1909 г.), итого 1850 р.				
История и география – Дмитрий Васильевич Солодов (он же преподаватель женской гимназии), Лазаревский Институт Восточных языков и историко-филологический факультет Императорского Московского Университета, по историческому отделению с дипломом I степени, со званием учителя гимназии, православной веры. Жалование 650 р., столовые 550 р., 20 % прибавка 240 р., итого 1440 р.	Род. 8 октября 1879 г. 1 января 1907 г.	1 января 1907 г. VIII	Не имеет	-
Естествознание и физика – Николай Андреевич Федченко (он же преподаватель женской гимназии), Императорский Харьковский Университет, физико-математический факультет, отделение естественных наук, с дипломом I степени, со званием учителя гимназии, православной веры. Жалование 650 р., столовые 550 р., 20 % прибавка 240 р., итого 1440 р.	Род. 24 ноября 1871 г. 16 сентября 1908 г. 12 марта 1909 г.	12 марта 1909 г. VIII	Не имеет	-
Рисования и черчения – н. с. Михаил Васильевич Игумнов (он же преподаватель женской гимназии), педагогический курс Академии Художеств, православной веры. Орден св. Станислава 3 степени. Жалование 600 р., столовые 400 р., 20 % прибавка 200 р., итого 1200 р.	Род. 19 ноября 1807 г. 7 октября 1902 г.	7 октября 1902 г. VIII	7 сентября 1906 г.	1 января 1909 г. Орден св. Станислава 3 степени
Пения и музыки – Иван Иванович Чернов (инструментальный класс придворной капеллы), православной веры. Жалование 500 р., 20 % прибавка 100 р., квартирные 100 р., итого 700 р.	Род. 26 августа 1872 г. 15 июля 1903 г.	15 июля 1903 г. VIII	Не имеет	18 мая 1892 г. Золотые часы из кабинета Его Величества
Гимнастика – Адольф Антонович Новак (он же учитель мужской гимназии), гимнастическая школа при Главном Управлении Общ. Сокол. в Праге, римско-католической веры. Жалование 500 р.	Род. 30 июля 1876 г.	18 сентября 1906 г.	-	-

<p>Врач – к. сов. Аркадий Иванович Кравцов (он же преподаватель гигиены), Императорский Харьковский Университет, медицинский факультет, со званием лекаря, православной веры. Орден св. Анны 2 степени и серебряная медаль в память царя Александра III. Жалование 300 р., за уроки 150 р., 20 % прибавка 60 р., итого 510 р.</p>	<p>Род. 19 января 1857 г. 22 апреля 1884 г. 18 сентября 1899 г.</p>	<p>18 сентября 1899 г. X</p>	<p>22 апреля 1895 г.</p>	<p>1 января 1910 г. Орден св. Анны 2 степени</p>
---	---	----------------------------------	--------------------------	--

Из этой таблицы также следует, что из девяти преподавателей, без учета А.К. Димитриу, пятеро пришли в этот институт во время директорства в нем А.К. Димитриу. Четверо преподавателей, вместе с А.К. Димитриу, работали одновременно и в Белгородской женской гимназии. Видим также, что казенной квартирой обеспечен был только директор института.

Характеристика А. К. Димитриу как педагога и организатора народного образования в Белгороде

Во время директорства А.К. Димитриу Белгородский учительский институт добился возможности с разрешения попечителя Харьковского учебного округа вносить изменения в учебный план и программы, что позволило значительно расширить теоретическую часть курса почти по всем предметам, а также ввести дополнительные самостоятельные работы студентов творческого характера. Наряду со словесными методами обучения всё большее место занимали наглядные и практические. Классно-урочная форма организации учебной работы сочеталась с лекционно-зачетной. Широко практиковались показательные уроки студентам института с последующим детальным разбором. Так, под руководством А.К. Димитриу в первый учебный месяц в присутствии студентов третьего курса преподаватели института давали несколько примерных уроков в различных классах городского училища с последующим их обсуждением на вечерних педагогических конференциях. Так реализовывались коллективом Белгородского учительского института предложения и пожелания, высказанные на страницах журнала «Русская школа» в 1906-1907 годах. Такой метод работы педагогического учительского института заметно повысил теоретическую подготовку выпускников. Качество их подготовки позволяло им работать учителями в женских гимназиях и прогимназиях, ремесленных училищ²¹ [9].

Всё вышесказанное говорит о том, что в период руководства А.К. Димитриу Белгородским учительским институтом его коллектив достиг больших успехов в развитии методики преподавания и организации учебной работы, а сам А.К. Димитриу показал себя как талантливый педагог и крупный организатор народного образования в г. Белгороде.

О деятельности А.К. Димитриу в Воронеже (по материалам воронежских исследователей)

В поисках новых возможностей применения своего таланта и организаторских способностей А.К. Димитриу, продолжая работать директором Белгородского учительского института, разрабатывает план создания нового учительского института в Воронеже. В своих работах Т.Н. Чернобова [11, 12] показывает, что торжественное открытие Воронежского учительского института произошло 13 октября 1913 г., хотя в старой исторической хронологии Белгородского учительского института период работы А.К. Димитриу в этом институте простирается до 1914 г. [1, 2, 4, 8]. Из материалов семейного архива А.К. Димитриу (рис. 1) следует, что в сентябре 1913 г. он уже был директором Воронежского учительского института.

На рис. 1 воспроизведено письмо руководства Белгородского педагогического кружка от 15 сентября 1913 г., направленное в адрес директора Воронежского учительского института А.К. Димитриу с выражением благодарности за прошлые его труды на посту Председателя педагогического кружка и с сообщением о решении избрать его почетным членом кружка. На этом документе удастся прочесть подпись секретаря кружка. Это священник Алексей Гаврилович Попов, который в эти годы ра-

²¹ Отчет о деятельности Белгородского педагогического кружка...

ботал законоучителем Белгородского учительского института²². Среди лекторов этого кружка мы ранее упоминали Е. По-

пова. Священник Евгений Николаевич Попов являлся преподавателем русского языка и словесности²³.

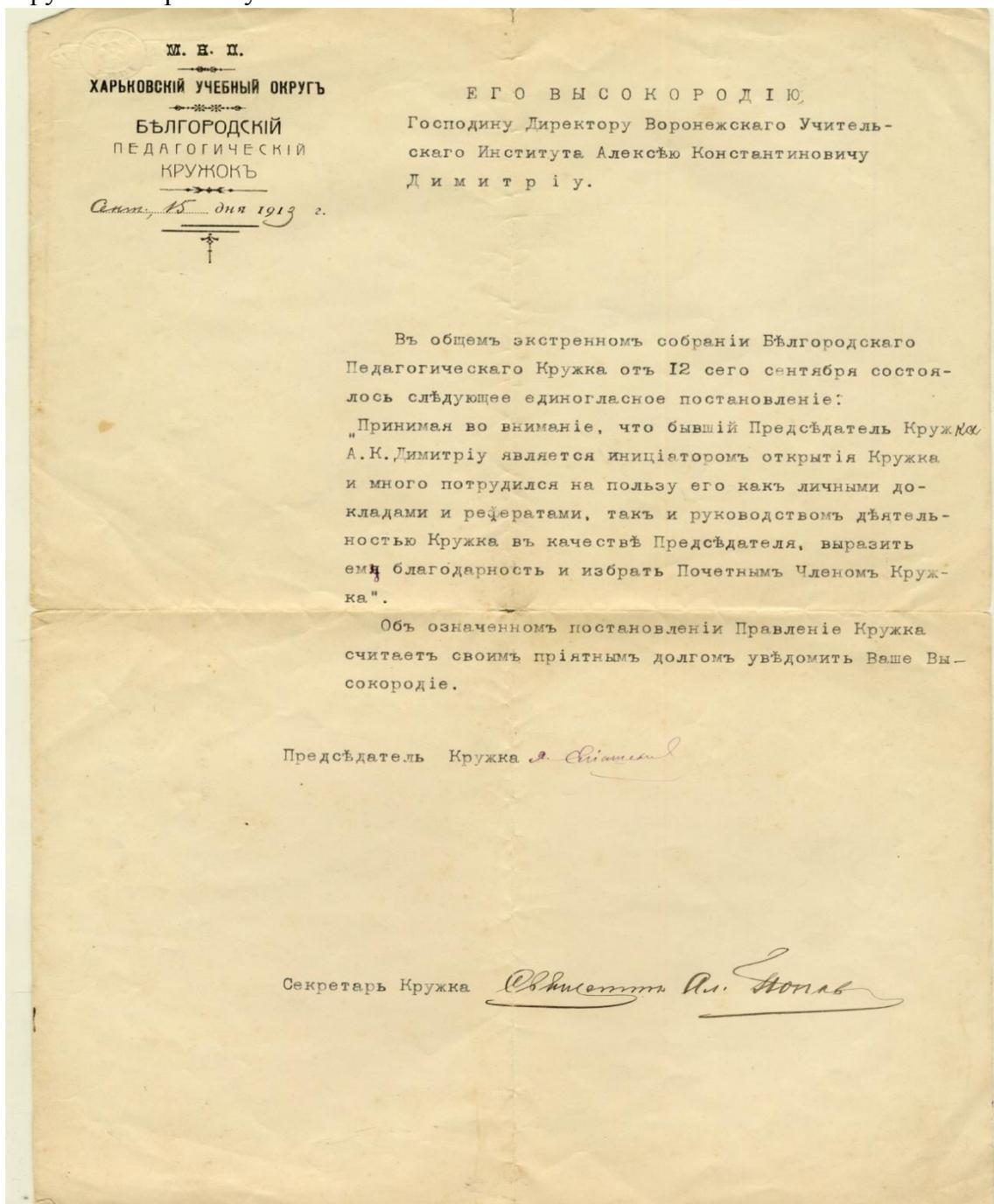

Рис. 1. Уведомление директора Воронежского учительского института А.К. Димитриу об избрании его почетным членом Белгородского педагогического кружка
Fig. 1. Notification of the director of Voronezh Teachers' Training Institute A.K. Dimitriy on his election as an honorary member of Belgorod Pedagogical Circle

²² Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1910 г. Выпуск 1. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и Сыновья, 1911. С. 320-322; Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1913 г. Часть 1. Харьков: Типо-литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1913. С. 450-452.

²³ Там же.

Переехав в Воронеж и возглавив там Воронежский учительский институт, А.К. Димитрию, так же как это было в Одессе и Белгороде, передает свой богатый педагогический опыт в одной из женских гимназий города. Так, в архивной службе Воронежской области хранятся личные дела учителей и наставников Воронежской частной женской гимназии М.П. Кожевниковой. Дело № 38, начатое 5 ноября 1913 г., относится как раз к нему²⁴.

Приведем краткие биографические сведения о А.К. Димитрию согласно работе Т.Н. Чернобоевой [11]. А.К. Димитрию родился в семье священника в г. Довлетогач в Бессарабии (согласно Википедии, это было село Давлет-Агач (Девлет-Агач), основанное в 1830 г. вблизи бывшего татарского поселения болгарскими переселенцами, с 1918 г. вошло в состав Румынии и до 1944 г. носило это название, сейчас в составе Украины носит название Делень). Отец его – румын, мать – украинка. Образование получил в Духовном училище, вскоре оставил его, включившись в активную революционную работу в народнических кружках 70-х годов XIX в. Педагогическая деятельность началась с должности учителя сельского училища. Стремясь к знаниям, он самостоятельно подготовился к экзамену на аттестат зрелости и поступил в Новороссийский университет. По окончании университета преподавал в различных учебных заведениях, был директором гимназий в нескольких городах России, лектором Новороссийского университета. За многолетнюю успешную службу ему было присвоено дворянское звание. В 1913 г. опытный педагог и организатор возглавил открывшийся Воронежский учительский институт. В областной газете «Воронежская коммуна» за 29 марта 1925 г. был опубликован некролог, посвященный А.К. Димитрию.

Приведем наиболее интересные выдержки из этого некролога [3]. По словам его автора, А.К. Димитрию был жизнелюбом, чутким, отзывчивым человеком, идеалом настоящего педагога, воспитавшим целое поколение учителей Воронежской и ближайших губерний. Он «не замыкался в рутине царившей реакции, а всегда шёл впереди». При нем «заснувшая в тине педагогической мысль Воронежа ожила, потянулись в институт все лучшие силы “черной кости”, каким нельзя было попасть в Императорские университеты». Он организовал при институте курсы экстернов, принял активное участие в организации и был одним из руководителей Воронежского педагогического института (1918-1921 гг.). Затем участвовал в реформе Воронежского университета при создании на его базе педагогического факультета, где работал преподавателем.

В своей работе Т.Н. Чернобоева [11] отмечает, что в день торжественного открытия 13 октября 1913 г. Воронежского учительского института его директору А.К. Димитрию был преподнесен Приветственный адрес, подписанный руководителями всех средних учебных заведений города.

В другой своей работе Т.Н. Чернобоева [12] уточняет время открытия на базе Воронежского учительского института Воронежского педагогического института. Это произошло в октябре 1918 г. Во главе управления этим институтом стал педагогический совет, а административно-исполнительным органом был президиум этого совета. В состав президиума были выбраны пять человек. Председателем президиума и одновременно заведующим учебной частью стал А.К. Димитрию [12].

Е.В. Кривотулова [5], со ссылкой на материалы государственного архива Воронежской области²⁵, отмечает, что среди первых руководителей дисциплин педаго-

²⁴ Архивная служба Воронежской обл. Опись № 1. Фонд №11-74. Воронежская частная женская гимназия М. П. Кожевниковой, г. Воронеж. Дело № 38. Димитрию Алексей Константинович. Начало 1913 г. Личные дела учителей и наставников.

²⁵ Архивная служба Воронежской обл. Опись № 1. Фонд №11-74. Воронежская частная женская гимназия М. П. Кожевниковой, г. Воронеж. Дело № 38. Димитрию Алексей Константинович. Начало 1913 г. Личные дела учителей и наставников.

гического цикла Воронежского университета были известные дореволюционные педагоги – А.К. Димитриу и А.Н. Ясинский. Они работали недолго, но заложили в курс педагогики основы психологии как обязательный компонент подготовки будущего учителя.

В «Календаре памятных дат Воронежского края (2012-2016 гг.)»²⁶ уточняется, что активными организаторами Воронежского педагогического института, созданного в 1931 г. на базе педагогического факультета Воронежского государственного университета, стали такие выдающиеся педагоги, как П.В. Каптеров, К.Н. Вентцель, С.В. Иванов, А.К. Димитриу, А.Н. Ясинский, знаменитый автор учебников по математике А.П. Киселев. Однако здесь следует сказать, что П.В. Каптеров и А.К. Димитриу умерли, соответственно, в 1922 и 1925 году и не могли быть создателями этого института в 1931 году. На сайте Воронежского государственного педагогического университета указано, что он был создан (как Воронежский государственный педагогический институт) Постановлением Совета народных комиссаров от 13 июля 1931 г. на базе педагогического факультета Воронежского государственного университета. Как отмечалось в упомянутом выше некрологе [3], А.К. Димитриу был одним из организаторов Воронежского педагогического института (1918-1921 гг.), Воронежского института народного образования (1920-1921 гг.) и педагогического факультета Воронежского госуниверситета. На базе последнего в 1931 году и был создан Воронежский государственный педагогический институт.

Большой вклад А.К. Димитриу, П.В. Каптерова и А.Н. Ясинского в развитие народного образования Воронежского края отмечается также в работе Е.Г. Шуляховского [10].

Всё вышеизложенное говорит о том, что среди исследователей истории педагогического образования Воронежского края

А.К. Димитриу характеризуется как выдающийся педагог, не говоря уже о его больших заслугах в организации высшей школы в Воронеже. Кроме того, работа Е.В. Кривотуловой [5] проливает свет на вклад А.К. Димитриу в развитие методологии педагогической науки.

Итак, мы рассмотрели и проанализировали все известные в литературе сведения о жизнедеятельности А.К. Димитриу. Обратимся теперь к материалам его семейного архива, чтобы восполнить имеющиеся в литературе пробелы.

По материалам семейного архива

А.К. Димитриу

В начале мы представим уникальные фотографии из семейного архива А.К. Димитриу, любезно предоставленные нам его правнучкой Потаниной Наталией Леонидовной, доктором филологических наук, заведующей кафедрой зарубежной литературы и языкознания Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Комментарии к ним сделаны ей же.

На первой подписанной фотографии (рис. 2) мы видим Алексея Константиновича Димитриу и Юлию Болеславовну Димитриу (в девичестве Борейша). Фото сделано ориентировочно в 1892 году.

**Прадед и прабабушка
Димитриу (Борейша)
Юлия Болеславовна
и Алексей Константинович**

Рис. 2. А.К. Димитриу и его жена в молодости
Fig. 2. A.K. Dimitriu and his wife in their youth

²⁶ Календарь памятных дат Воронежского края (2012-2016 гг.). Информационно-справочное издание / Сост. В. И. Погорелов. Воронеж: ГОБУ ДОД ВО «ОЦДОГПВ», 2011. 250 с.

На второй фотографии (рис. 3) Алексей Константинович Димитриу стоит во втором ряду, четвертый справа (для смотрящего на фотографию). Справа от него его дочь Екатерина, ставшая впоследствии врачом,

жила и скончалась в Воронеже. В том же ряду вторая слева – его дочь Софья (в замужестве Рыкова), преподаватель латинского языка в Воронежском госуниверситете, жила и скончалась в Воронеже.

Рис. 3. А.К. Димитриу в окружении родственников и друзей
Fig. 3 A.K. Dimitriu, surrounded by the family and friends

В первом ряду крайний слева – его сын Константин, в дальнейшем первый заведующий кафедрой иностранных языков Тамбовского пединститута, умер в 1952 году в Тамбове от туберкулеза. Рядом с ним (вторая слева) – жена Константина, Елена Владимировна Димитриу (в девичестве – Никулина). В первом ряду четвертая слева – мать Е.В. Димитриу, Мария Васильевна Никулина. Рядом с ней, пятая слева – жена А.К. Димитриу (Ю.Б. Димитриу). В первом ряду пятая справа – дочь Алексея Константиновича Мария (в замужестве Муфель), в дальнейшем – врач-педиатр, умерла в Воронеже. В первом ряду второй справа – Владимир Иванович Никулин, почетный гражданин, белгородский купец второй гильдии.

По рассказам его дочери Е.В. Димитриу, в 1918 году В.И. Никулин был взят красными в заложники, за него требовали выкуп, который его дочь везла в Белгород, но не успела: когда приехала, ей сообщили, что отец ее расстрелян. На самом дальнем плане (выше всех) стоит самый младший сын А.К. Димитриу, Всеволод. Он тоже был преподавателем и умер в Ростове-на-Дону. Фото сделано ориентировочно в 1913 или в 1914 году.

На третьей фотографии (рис. 4), сделанной во дворе дома А.К. Димитриу, запечатлены торжественные проводы А.К. Димитриу из Белгорода в Воронеж в июле 1913 г. Запись на обороте фотографии (рис. 5) сделана Е.В. Димитриу, в том же

году вышедшей замуж за старшего сына А.К. Димитриу, Константина Алексеевича. На фотографии А.К. Димитриу сидит в первом ряду, пятый справа (для смотрящего на

фотографию). Рядом с ним (по его правую руку) сидит его жена Юлия Болеславовна с большим букетом цветов.

Рис. 4. Торжественные проводы А.К. Димитриу из Белгорода в Воронеж в июле 1913 г.
Fig. 4. The ceremony of seeing A.K. Dimitriu off from Belgorod to Voronezh in July 1913

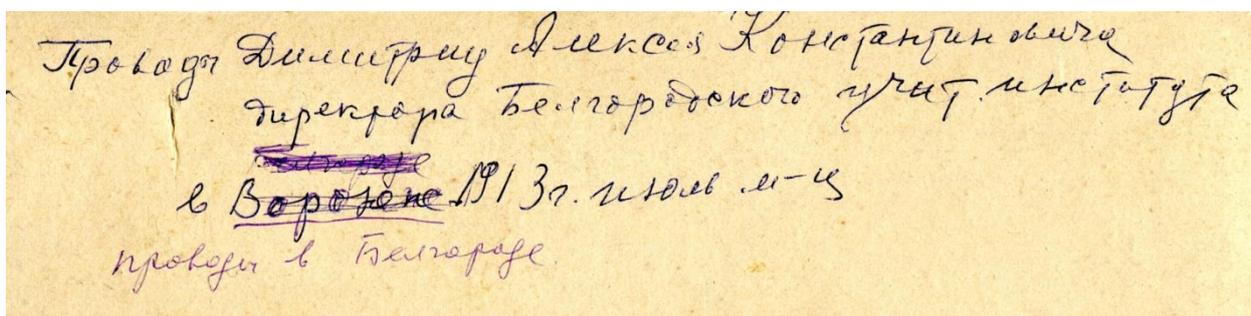

Рис. 5. Обратная сторона фотографии проводов А.К. Димитриу из Белгорода в Воронеж
Fig. 5. The back of the photo of the ceremony of seeing A.K. Dimitriu off from Belgorod to Voronezh

В первом ряду вторая справа – его дочь Софья. Во втором ряду стоят, второй и третья – его сын Константин с женой Еленой Владимировной, рукой которой сделана

надпись на обороте фотографии. На фотографии запечатлено много преподавателей Белгородского учительского института, некоторые из них в форменных мундирах.

На четвертой фотографии (рис. 6) запечатлены сослуживцы А.К. Димитриу по Белгородскому учительскому инсти-

титу. На ней крайний слева сидит А.К. Димитриу. Фото сделано ориентировочно в 1907 году.

Рис. 6. Сослуживцы А.К. Димитриу по Белгородскому учительскому институту
Fig. 6. The colleagues of A.K. Dimitriu at Belgorod Teachers' Training Institute

Задачей краеведов Белгорода и историков Белгородского государственного национального исследовательского университета является установление лиц, изображенных на трех групповых фотографиях (см. рис. 3, 4, 6), при этом особенно важно идентифицировать преподавателей Белгородского учительского института.

Теперь обратимся к описанию документов об образовании А.К. Димитриу из его семейного архива.

На рис. 7 представлен текст копии Свидетельства об окончании А.К. Димитриу Кишиневской прогимназии и присвоении ему звания учителя сельского приходского

и начального народного училища. Оно датировано 29 сентября 1878 г. Как видим, А.К. Димитриу окончил прогимназию (курс обучения в таких учебных заведениях составлял пять лет) в довольно позднем возрасте, когда ему был 21 год. Это связано с тем, что он первоначально обучался в Духовном училище [11]. По сведениям Потаниной Н.Л., экзамены были им сданы экстерном.

На рис. 8 представлен текст Диплома об окончании А.К. Димитриу Императорского Новороссийского университета с сохранением старой орфографии и пунктуации.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего сынъ Священника Алексѣю Константинову Димитріу, на основаніи Высочайше утвержденного 22 апрѣля 1868 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству Народнаго Просвѣщенія, подвергшись сокращенному испытанію в Педагогическомъ Совѣтѣ Кишиневской прогимназіи и выдержавъ оное удовлетворительно, удостоенъ званія учителя сельскаго приходскаго и начальнаго народнаго училища

Въ удостовѣреніе чего дано ему это свидѣтельство за надлежащимъ подписаніемъ с приложеніемъ печати Кишиневской прогимназіи

г. Кишинев Сентября 29 дня 1878 года

*Инспекторъ (подпись)
(законоучитель)*

*Печать Кишиневской Учители: (две подписи)
Прогимназии
Письмоводитель К. Мончинский*

*Пошлины за настоящее Свидетельство взысканы
Письмоводитель К. Мончинский*

Рис. 7. Копия свидетельства об окончании А.К. Димитриу Кишиневской прогимназии
Fig. 7. A copy of A.K. Dimitriu's certificate of completion of Kishinev Progymnasium

ДИПЛОМ

Предъявитель сего, Алексей Константиновичъ Димитріу, сынъ священника, вероисповеданія православнаго, по выслушаніи полного курса наукъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета, подвергался испытанію въ историко-филологической испытательной комиссіи при вышеозначенномъ университетѣ в Маѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ 1890 года, при чемъ оказалъ слѣдующіе успехи: по греческимъ авторамъ: по поэту – весьма удовлетворительные, по прозаику – весьма удовлетворительные; по римскимъ авторамъ: по поэту – весьма удовлетворительные, по прозаику – весьма удовлетворительные; по исторіи классическихъ народов – весьма удовлетворительные; по исторіи древняго искусства – весьма удовлетворительные; по философіи – весьма удовлетворительные; по русской исторіи – весьма удовлетворительные; по всеобщей исторіи – весьма удовлетворительные; по исторіи славянъ – весьма удовлетворительные; по исторіи церкви – весьма удовлетворительные; письменные отвѣты: по латинскому языку – весьма удовлетворительный, по греческому языку – весьма удовлетворительный.

По сему, на основаніи ст. 81 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 23 августа 1884 года, Димитріу удостоенъ диплома первой степени со всеми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и в V п. Высочайше утвержденного въ 23 День Августа 1881 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. В удостовѣреніе сего и данъ ему, Димитріу, сей дипломъ за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Канцеляріи Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. Городъ Одесса, Октября 23 дня 1890 года.

Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа Действительный статскій Советникъ и Кавалеръ Сольскій.

Председатель историко-филологической Испытательной комиссіи Ф. Коршъ.

*М.П. за Правителя канцелярии, Колежский
Ассесоръ В.Демвицг (?)*

Установленный за дипломъ сбор внесенъ

Ст. 92 устава устава Императорскихъ Российскихъ университетовъ, Высочайше утвержденного 23 августа 1884 года.

Удостоенные по выдержании испытанія одного изъ установленныхъ статьею 81 дипломовъ, пользуются относительно отбыванія воинской повинности правами, определенными въ уставъ о сей повинности (Св. Зак. Т. IV кн. I изд. 1876 г.). Принадлежащая къ мещанскому сословию или состоянію сельскихъ обывателей лица, приобретшія ученые степени или получившія одинъ изъ установленныхъ статьею 81 сего устава дипломовъ, пользуются: первыя – правомъ на причисленіе къ потомственному почетному гражданству, а вторыя – правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству, согласно статьямъ 503 и 506 Законовъ о состояніяхъ (Свод Зак. Т. IX изд 1876 г.)

У п Высочайше утвержденного 23 августа 1884 года мнѣнія Государственного Совѣта: впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, приобретаемыхъ окончаніемъ курса в учебныхъ заведеніяхъ, предоставить лицамъ удостоеннымъ ученыхъ степеней, а равно выдержавшимъ окончательное университетское испытаніе право на утверждение при поступленіи в гражданскую службу въ слѣдующихъ чинахъ: доктору в чинъ VIII класса, магистру – в чинъ IX класса, получившему дипломъ первой степени в чинъ X класса и получившему дипломъ второй степени в чинъ XII класса.

Я, нижеподписавшійся, удостоверяю верность этой копіи с подлинникомъ ея, представленнымъ мнѣ, Петру Павловичу Шмиту, Одесскому нотариусу, въ Конторѣ моей Бульварнаго участка, на Ланжероновской улицѣ, въ городскомъ домѣ №15, студентомъ Императорскаго Новороссійскаго Университета Алексеемъ Константиновичемъ Димитриу, живущимъ в Одессѣ по Херсонской улицѣ, въ домѣ Бини (?).

При сличеніи мною этой копіи с подлинникомъ въ последнемъ подчистокъ приписокъ, вычеркнутыхъ словъ и не было и в сей копіи на 4 страницѣ в 3? строкѣ исправлено «магистру», чему верить.

Одесса Октября 24 дня 1890 года по реестру № 3266

Нотариусъ (подпись)

Печать нотариуса Петра Шмита въ Одессѣ

Рис. 8. Копия диплома об окончании А.К. Димитриу Императорского Новороссійскаго университета
Fig. 8. A copy of A.K. Dimitriu's diploma from Imperial University of Novorossiysk

Отсюда следует, что в октябре 1890 г. А.К. Димитриу получил на руки диплом с отличием (первой степени), что помимо степени кандидата университета и звания учителя гимназии давало ему чин X класса. Во время окончания университета ему было 32 года. С учетом того, что обучение в Императорскихъ российскихъ университетахъ было четырехлетним, это означает, что А.К. Димитриу поступил в Императорскій Новороссійскій университет в 1886 г., когда ему было 28 лет. Следует предположить, что А.К. Димитриу в восьмилетний период, с момента окончания Кишиневской

прогимназии до поступления в Императорскій Новороссійскій университет, учительствовал в сельскихъ приходскихъ и начальныхъ народныхъ училищахъ Одесскаго учебнаго округа, а уже после окончания университета стал работать в гимназияхъ Одессы.

Из диплома об окончании А.К. Димитриу университета мы узнаем, что он в то время жил в Одессѣ на Херсонской улицѣ, в доме Бини.

В семейном архивѣ А.К. Димитриу хранится Свидѣтельство о рожденіи в Одессѣ 25 декабря 1892 г. его сына Константина

Алексеевича Димитриу, которое мы не воспроизводим. Из него мы узнаем, что его родственниками были священник Кишиневской Епархии, Аккермановского уезда, села Дельжелети Константин Иванович Димитриу (отец А.К. Димитриу) и жена коллежского секретаря Юлия Федоровна Борейша (мать жены А.К. Димитриу). По уточненным данным проф. Потаниной Н.Л., село называлось не Дельжелети, а Дельжилер (согласно материалам Википедии, это село переименовано в 1945 г. в Дмитровку, старое название возвращено в 2016 г.).

Заключение

Таким образом, в данной работе по литературным данным белгородских и воронежских исследователей, официальным печатным материалам по Харьковскому учебному округу, Одесскому учебному округу и Императорскому Новороссийскому университету, архивным данным по Воронежу прослежена деятельность А.К. Димитриу после окончания им Императорского Новороссийского университета, а также приведены с комментариями уникальные фотографии и документы из его семейного архива. Показано, что А.К. Димитриу не работал преподавателем Императорского Новороссийского университета, как отмечалось в других исследованиях. Анализ этих материалов и документов убеждает нас в том, что А.К. Димитриу был крупным деятелем народного образования Курской и Воронежской губерний. Специального изучения требует период его обучения в Одессе, чтобы понять взлет его научной мысли, результатом которой была публикация им двух выдающихся статей по византистике в 1894-95 гг. Материалы об этом периоде его жизнедеятельности хранятся в РГИА и фонде Императорского Новороссийского университета Одесского областного государственного архива. Но это будет предметом наших дальнейших исследований.

Автор благодарит кандидата химических наук Наталью Николаевну Скворцову из Санкт-Петербурга за предоставления

данных из «Списка лицам, служащим по Харьковскому и Одесскому учебным округам», данных по «Обозрению преподавания» и «Отчетам Императорского Новороссийского университета», а также доктора филологических наук из Тамбова Наталью Леонидовну Потанину за предоставление материалов из семейного архива А.К. Димитриу и комментарии к ним.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Базелеева, В.А. Библиотеке Белгородского государственного университета 125 лет // Научные и технические библиотеки. 2001. № 12. С. 94-98.
2. Болгова, А.М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Серия: Педагогика. 2002. № 2 (17). С. 239-249.
3. Григоров, П.А. Димитриу А.К. Некролог // Воронежская коммуна. 1925, 29 марта.
4. Истории вуза страницы листая... / Сост. Н.И. Руднева; отв. ред. Н.В. Камышанченко. Белгород: БелГУ, 1999. 246 с.
5. Кривотулова, Е.В. Развитие педагогического образования и педагогической науки в Воронежском университете // Материалы межрег. науч.-практ. конференции «Роль классических университетов в педагогическом образовании». Воронеж: Воронежский государственный университет. 2003. С. 53-59.
6. Московкин, В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 29-41.
7. Московкин, В.М. Забытый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как известный византист // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 104-105.
8. Нерубенко, М. В учительстве всех начал: К 135-летию Белгородского учительского института // Наш Белгород. 2011, 10 декабря.

9. От учительского института к Государственному университету: 120 лет Белгородскому учительскому институту / Редкол.: Н.В. Камышанченко, Е.В. Тонков, В.К. Харченко. Белгород: БелГУ, 1996. 107 с.

10. Очерки истории Воронежского края в 2 т. / Под ред. Е.Г. Шуляховского. Т. 2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961-1967. 677 с.

11. Чернобоева, Т. Н. К истории педагогического образования: Воронежский учительский институт (1913-1918 гг.) // Человек и общество: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: ВГПУ, 2010. Выпуск 9. С. 54-58.

12. Чернобоева, Т. Н. У истоков высшего педагогического образования в Воронежской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Том 13. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Специальный выпуск. 2007. С. 66-69.

References

1. Basaleeva, V. A. (2001), "The Library of Belgorod State University is 125 years old" (in Russ.), *Scientific and Technical Libraries*, 12, 94-98.

2. Bolgova, A. M. (2002), "To the history of the institution of Belgorod Teacher's Training Institute" (in Russ.), *Belgorod State University Scientific Bulletin. Pedagogics*, 2 (17), 239-249.

3. Grigorov, P. A. (1925), "Dimitriy A. K. Obituary" (in Russ.), *Voronezhskaya kommuna*, March, 29.

4. Rudneva, N. I. (comp.) (1999), *Istorii vuza stranitsy listaya...* [Wading through the pages of the University history], BelGU, Belgorod, Russia. (in Russ.)

5. Krivotulova, E. V. (2003), "Development of pedagogical education and pedagogical Sciences at the University of Voronezh" (in Russ.), *Materialy mezhhregionalnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Rol' klassicheskikh universitetov v pedagogicheskom obrazovanii"* [Materials of the inter-regional scientific-practical conference "The Role of classical universities in pedagogical education"], Voronezh State University Voronezh, Russia, 53-59.

6. Moskovkin, V. M. (2014), "Belgorod Teacher's Training Institute: Directors, teachers and graduates" (in Russ.), *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2 (2), 29-41. [Online]

URL: http://rrhumanities.ru/media/humanities/2014/2/Moskovkin_UchInstitut.pdf (date of access: November 10, 2017).

7. Moskovkin, V. M. (2014), "The forgotten actor of public education of Kursk and Voronezh provinces A. K. Dimitriy as a well-known byzantinist" (in Russ.), *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Politology. Economics. Computer Science*, 21 (192), 32, 104-105.

8. Nerubenko, M. (2011), "In teaching of all beginnings: To the 135th anniversary of Belgorod Teacher's Training Institute" (in Russ.), *Nash Belgorod*, December, 10.

9. Kamyshanchenko, N. V., Tonkov, E. V., Kharchenko V. K. (ed.) (1996), *Ot uchitel'skogo instituta k gosudarstvennomu universitetu: 120 let Belgorodskomu pedagogicheskomu institute*, [From the Teacher's Training Institute to the State University: 120 years of Belgorod Teacher's Training Institute], BelGU, Belgorod, Russia. (in Russ.)

10. Shulyakowski, E. G. (1961-1967), *Ocherki istorii Voronezhskogo kraja v 2 t., Tom. 2* [Essays on the history of Voronezh region in 2 vols, Vol. 2.], Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, Russia. (in Russ.)

11. Chernoboeva, T. N. (2010), "To the history of pedagogical education: Voronezh Teacher's Training Institute (1913-1918)" (in Russ.), *Chelovek i obschestvo: istoriya i sovremennost'. Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, 9, 54-58.

12. Chernoboeva, T. N. (2007), "At the forefront of higher pedagogical education in Voronezh province" (in Russ.), *Vestnik of Kostroma state university series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, Special Issue*, 13, 66-69.

ОБ АВТОРЕ:

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики института экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; moskovkin@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Global Economy, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; moskovkin@bsu.edu.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 32

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-49-53

Тонких В. А.¹
Колимбет Е. Д.²

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА КАК НАУКА
(ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

¹ Воронежский государственный университет, Московский проспект, д. 88, г. Воронеж, 394068, Россия; *vladiton@bk.ru*

² Воронежский государственный университет, Московский проспект, д. 88, г. Воронеж, 394068, Россия; *E.Kolimbet23@mail.ru*

Аннотация. Авторы рассматривают основные особенности политической аналитики как научной дисциплины и анализируют существующие в Российской Федерации трудности с определением содержания и границ данной сферы исследований.

Ключевые слова: политическая аналитика; методологическая база политической аналитики; измерения аналитики; политическая аналитика в РФ.

V. A. Tonkikh¹
E. D. Kolimbet²

POLITICAL ANALYTICS AS A SCIENCE
(PRAGMATICAL NOTES)

¹ Voronezh State University, 88 Moskovsky Ave., Voronezh, 394068, Russia; *vladiton@bk.ru*

² Voronezh State University, 88 Moskovsky ave., Voronezh, 394068, Russia;
E.Kolimbet23@mail.ru

Abstract. The authors name the basic peculiarities of political analysis as a scientific activity and analyze the difficulties that exist in the Russian Federation with the determination of the content and the boundaries for this sphere of research.

Key words: political analysis; methodological basis of political analysis; dimensions of political analysis; political analysis in the Russian Federation.

Современный этап эволюции российского общества, равно как и мировой цивилизационной системы, отличает ускорение динамики протекающих процессов, увеличение факторов стихийности, непредсказуемости социально-экономических последствий и вместе с тем неумение (или в ряде случаев нежелание) объективно оценивать реальность и будущее. В равной степени это относится к области политических отношений.

В политической сфере (вне зависимости от того, говорим ли мы о внутренней или внешней политике) знание и информация представляют собой жизненно важный

ресурс, но, как и любой другой ресурс, эффективно они могут быть использованы только с применением определенных инструментов. Одним из таких инструментов, объединенных в политический механизм, и является политическая аналитика, позволяющая перерабатывать огромное количество разнообразных данных, делать на их основе фундаментальные выводы и давать практические рекомендации.

Политическая аналитика представляет собой совокупность методологической, технологической и информационно-аналитической деятельности в сфере политики. Методологией научного познания является

разрешение противоречий между процессом познания и преобразования соответствующей практики (в данном случае политики). Существенной ошибкой при этом является сведение методологии лишь к процессу познания, в то время как содержание феномена – в единстве познания и преобразования. Этот аспект важно учитывать в политической аналитике.

Сегодня политическая аналитика в России имеет весьма расплывчатые очертания, причиной чего выступает целый ряд факторов. Во-первых, политология, а вместе с ней и наука о международных отношениях, в советский период были практически преданы забвению как порождения капиталистического мира. Лишь несколько специализированных институтов занимались данной проблематикой, причем широкая общественность к результатам их исследований доступа не имела вплоть до времен «перестройки».

С конца 1980-х годов в ряде вузов стали формироваться политологические факультеты и кафедры, на базе которых позже были созданы кафедры политического анализа (кафедра политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ (1992 г.)¹, кафедра политического анализа МГУ им. Ломоносова (2000 г.)², кафедра прикладного анализа международных проблем МГИМО (2006 г.)³, кафедра прикладного политического анализа и моделирования ИМОМИ⁴, кафедра политического анализа и прогнозирования ГАУГН⁵ и другие). Вместе с тем, после 1991 года формируются многочисленные аналитические центры и исследовательские институты, занимающиеся как прикладными, так и фундаментальными исследованиями в

сфере внутригосударственной и мировой политики.

На начальном этапе своего становления российская политическая аналитика, как и политология в целом, испытывала огромное влияние со стороны западного интеллектуального сообщества, зачастую без критического осмысления заимствующихся идей. Только с середины 2000-х годов наметилась тенденция к постепенному формированию собственной исследовательской традиции и интеллектуальной среды, выдвигению видных отечественных исследователей.

Заметим, что политическая аналитика в современной России не является вполне наукой: не имеет сложившегося категориального аппарата, оформившейся научной методологии, системы подготовки научных кадров.

Во-вторых, политическая аналитика как наука страдает от излишне расширительной трактовки. В частности, к сфере аналитики часто относят любые рассуждения и публикации по тем или иным политическим вопросам [см.: 1, с. 4]. Это приводит к тому, что в общественном сознании политическая аналитика сливается с политически ангажированной журналистикой, которая бесконечно далека от научности и зачастую не может претендовать даже на рудиментарную объективность, имея своей целью лишь сиюминутную сенсационность. К тому же, фактически, журналист чаще всего не несет ответственности за вброс в общество сенсационной информации и не просчитывает ее социальные последствия.

Вместе с тем, по мнению ряда отечественных исследователей, для профессио-

¹ См.: Кафедра политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ // Сайт факультета политологии СПбГУ. URL: <http://www.politology.spbu.ru>

² См.: Кафедра политического анализа МГУ // Сайт факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова. URL: <http://www.spa.msu.ru>

³ См.: Кафедра прикладного анализа международных проблем МГИМО // Сайт МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru>

⁴ См.: Кафедра прикладного политического анализа и моделирования ИМОМИ // Сайт ИМОМИ Университета Лобачевского. URL: <http://www.imomi.unn.ru>

⁵ См.: Кафедра политического анализа и прогнозирования ГАУГН // Сайт ГАУГН. URL: <http://www.gaugn.ru>

нальных политических аналитиков, стремящихся к объективному политическому анализу, осуществляющих свою деятельность вне властных структур, в России отсутствуют социальные лифты, а действующие политики и государственные институты часто недооценивают либо игнорируют значимость экспертных оценок и прогнозов [см.: 2, с. 12]. Большинство аналитических исследований, новых концепций и конструктивных идей в сфере политики, и особенно международных отношений, находят отклик только в интеллектуальной среде и никак не влияют на процесс принятия политических решений в сфере государственного управления.

В современной России регулярно проводятся различные конкурсы красоты, танцев, кулинарного искусства и т.п., но весьма редки интеллектуальные конкурсы, нет системы отбора и подготовки кадров аналитиков. Поэтому нередко в сферу управления попадают случайные люди, способные не к созиданию, а к разрушению системы.

Так что же представляет собой политическая аналитика и чем она отличается от различных рассуждений на тему? Профессор факультета политологии МГИМО А.А. Дегтярев выделяет следующие характерные черты политического анализа: проблемно-ситуативная ориентация, междисциплинарная концептуальная база и мультиплицизм методик. Причем понимание самой политической аналитики распадается на ряд измерений: теоретико-фундаментальное, инструментально-эмпирическое и практически-прикладное [см.: 1, с. 21].

Теоретико-фундаментальное измерение включает в себя фундаментальные теоретические исследования, целевой аудиторией которых является научное сообщество; инструментально-эмпирическое – получение и переработку эмпирических данных, формирование на их основе обобщений. Практически-прикладное измерение представляет собой не что иное, как анализ конкретной политической проблемы и со-

ставление на основе этого анализа конкретных рекомендаций для заказчика исследования [см.: 1, с. 12-13].

Политическая аналитика предполагает следующие этапы (стадии) научного исследования:

- 1) выбор (определение) стратегического научного направления анализа;
- 2) анализ потенциала политических институтов на ближайшую и отдаленную перспективу;
- 3) мобилизация интеллектуального научного потенциала для решения политических проблем;
- 4) разработка вариативности политических решений;
- 5) анализ эффективности политических решений и процессов.

Одним из основных признаков научности той или иной сферы исследований является наличие трех компонентов – объекта исследования, предмета исследования и собственной методологической базы. Если объект для всех трех измерений политической аналитики одинаков (это комплекс отношений между внутривнутриполитическими акторами или акторами мировой политики), то предмет варьируется: исследования, относящиеся к первым двум измерениям, носят более обобщенный характер и их предметом могут выступать закономерности и особенности политических процессов, вопросы методологии, те или иные внутрисударственные или международные проблемы, причем стимулом для проведения научного изыскания выступает интерес самого исследователя, а выводы носят фундаментальный, обобщенный характер. Предметом же прикладного политического анализа является конкретная проблема, в том ракурсе, в котором ее рассмотрение необходимо для выведения рекомендаций, то есть такой труд всегда ориентирован на интересы и потребности заказчика [см.: 3, с. 10].

Методологическая база политической аналитики в своем развитии прошла несколько этапов, которые во многом совпадают с этапами становления методологии теории международных отношений (что

естественно, так как ТМО, возникнув в первой трети XX в., основывается на фундаментальных аналитических исследованиях политической сферы). До XIX в. в политической науке господствовали дедуктивный, логико-философский и морально-аксиологический подходы. В XIX – начале XX вв. приоритетное место заняли сравнительно-исторический и нормативно-институциональный метод. Таким образом, вплоть до второй трети XX в. методы политического анализа носили сугубо описательный характер, что ставило под сомнение научность дисциплины как таковой.

Коренной перелом произошел в 1950-1970-х гг., и связан он был с так называемой «бихевиоральной революцией», которая привнесла в политическую науку в целом и в теорию международных отношений в частности методы других наук – психологии, социологии, математики и лингвистики. Предполагалось, что использование количественных методик повысит научность и объективность исследований политических процессов. Однако чрезмерная увлеченность количественными показателями и полное отрицание описательной составляющей в политической аналитике завели исследования бихевиористов в тупик.

Постбихевиористский этап характеризуется сочетанием количественных и качественных методик. Методологическая база политической аналитики и сегодня продолжает расширяться за счет адаптации методик из самого широкого круга наук, и такая междисциплинарность является ее отличительной чертой. В частности, широко используются такие социологические методы, как анкетирование, экспертные опросы, фокус-группы.

На современном этапе международных отношений стратегические цели политической аналитики России и США отличаются коренным образом. Если США ставят целью изменение мира в свою пользу (цветные революции в ряде исламских стран, объявление отдаленных от США территорий зонами «жизненно важных интересов», агрессии в Ираке и Афганистане), то для России одной

из стратегических целей является борьба с международным терроризмом и защита подвергшихся насилию народов.

С развитием компьютерных технологий большую популярность получила статистическая обработка эмпирических данных с использованием специализированных программ (к примеру, в России популярна программа STATISTICA, позволяющая осуществлять кластерный, факторный, корреляционный анализы, многомерное шкалирование и др. [см.: 3, с. 174-175]). В современной политической аналитике огромное значение имеет феномен Big Data («больших данных») как возможность аккумулировать и обрабатывать огромное количество данных, что уменьшает погрешность экспертных заключений и прогнозов. Сегодня предвыборные кампании строятся на основе детализированной информации о политических предпочтениях электората, причем особое внимание в этой связи уделяется анализу контента социальных сетей и запросов в Google [см.: 4]. С помощью Big Data можно, в частности, прогнозировать вероятность социальных взрывов на основе частотности определенных постов в Twitter и Facebook.

Будущее России – интеллектуальное и духовное возрождение на базе исторически сложившихся ценностей и идеалов, максимальное использование человеческого фактора, создание конкурентоспособной среды во всех сферах общества. Борьба цивилизаций на современном этапе происходит не в экономике, а в сфере духовно-нравственных ценностей и оптимальных представлений о будущем. Человек, культура (в частности, культура мышления), знания, образование становятся дороже денег. Только на этом пути общество (и не только российское) может найти выход для качественных преобразований общественной жизни.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Дегтярев, А.А. Прикладной политический анализ. Электронный учебник для студентов-политологов. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010. 546 с.

2. Курносов, Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие. М.: Ритм, 2015. 616 с.

3. Политический анализ и прогнозирование / Под ред. В. А. Семенова, В. Н. Колесникова. СПб.: Питер, 2014. 432 с.

4. A political scientist explains how big data is transforming politics. By Sean Illing // VOX. URL: <https://www.vox.com/conversations/2017/3/16/14935336/big-data-politics-donald-trump-2016-elections-polarization> (date of access: October 8, 2017).

References

1. Degtiariov, A. A. (2010), *Prikladnoj politicheskij analiz. Elektronnyj uchebnik dlya studentov-politologov* [Applied political analysis. Electronic textbook for students of political science], MGIMO, Moscow, Russia. (in Russ.)

2. Kurnosov, Yu. V. (2015), *Analitika kak intellektual'noe oruzhye* [Analytics as a smart weapon], Ritm, Moscow, Russia. (in Russ.)

3. *Politicheskij analiz i prognozirovanie* (2014), [Political analysis and forecasting], by Semenov, V. A., Kolesnikova, V. N. (ed.), Piter, Sankt-Petersburg, Russia. (in Russ.)

4. A political scientist explains how big data is transforming politics, by Sean Illing, VOX, URL:

<https://www.vox.com/conversations/2017/3/16/14935336/big-data-politics-donald-trump-2016-elections-polarization> (date of access: October 8, 2017).

ОБ АВТОРАХ:

Тонких Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет, Московский проспект, д. 88, г. Воронеж, 394068, Россия; vladiton@bk.ru

Колимбет Евгения Данииловна, студентка 4 курса, факультет международных отношений, Воронежский государственный университет, Московский проспект, д. 88, г. Воронеж, 394068, Россия; E.Kolimbet23@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vladimir A. Tonkikh, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading researcher of the Laboratory of Historic Anthropology, Belgorod State National Research University; Professor, Department of International Relations and World Politics, Voronezh State University, 88 Moskovsky Ave., Voronezh, 394068, Russia, vladiton@bk.ru

Evgeniya D. Kolimbet, 4th year Student, Faculty of International Relations, Voronezh State University, 88 Moskovsky Ave., Voronezh, 394068, Russia, E.Kolimbet23@mail.ru

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-54-58

Кибалко В. В.

**ПРАЗДНИК И ПРАЗДНИЧНОСТЬ:
ДЕГРАДАЦИЯ СМЫСЛОВ?**

Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7,
г. Белгород, 308034, Россия, *fiokla-07@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается проблема трансформации современной праздничной культуры на ценностно-содержательном уровне под влиянием всеобщей утверждающей праздничности; обосновываются отличия между понятиями «праздник» и «праздничность». Также дается предположительный путь выхода из сложившейся ситуации через возрождение традиций, актуализацию имеющихся празднеств и создание новых, сакрально наполненных.

Ключевые слова: праздник; праздничность; трансформация; общество потребления; десакрализация; возрождение традиций.

V. V. Kibalko

**FESTIVITY AND FESTIVENESS:
DEGRADATION OF IMPLICATIONS?**

Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308034, Russia;
fiokla-07@mail.ru

Abstract. The paper considers the problem of transformation of the modern festive culture at the value-content level under the influence of universal uplifting festivity; the differences between the concepts "festivity" and "festiveness" are substantiated. Besides, the author provides a tentative way out of the current situation through the revival of traditions, the actualization of existing festivities and the creation of new, sacredly filled ones.

Keywords: festivity; festiveness; transformation; consumer society; desacralization; revival of traditions.

С 80-х годов XX века начинается современная стадия развития цивилизации с переходом к новой культурной эпохе – эпохе постмодерна. Человечество большинства индустриальных государств мира попадает под воздействие определенных специфических мировоззренческих концепций, влияющих на все сферы и процессы жизнедеятельности общества, включая сферу искусства, науки и политики. Эти изменения находят отражение в глобальном развитии массовой («поп») культуры, распространившейся в современном социуме и преобладающей во всех сферах действительности.

Утверждающая праздничность (которая понимается как внешние проявления праздника – веселость, пышность, красочность, радостность и т.д.), заполняет повседневность, становится будничной нормой. Меняется система духовных ценностей, нарушается праздничная реальность – она теперь обыденна и привычна, ведь «в обществах, достигших современного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей» [2, с. 3]. Преобразование исторически сложившегося мировоззрения влияет на трансформацию культуры в целом, что влечет за собой перестройку эстетических восприятий, стереотипов,

стандартов. Смена ценностной парадигмы, урбанизация и технизация, потребность в новых героях и образах приводит к деконструкции праздничной культуры. Праздник как «временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институционализированное (даже если оно носит импровизационный характер) действие» [5, с. 823], – в любых формах – лишается идейной и традиционной самоценности: сказывается утрата причинно-следственных и традиционных связей, смена религиозных и сексуальных норм, ценностных ориентиров, культ беспроблемности, оптимизма, благополучия и независимости, отсутствие предпраздничной аскезы, перемены в отношении гендерных ролей, увеличение уровня потребления и многое другое.

В современную эпоху пренебрегают не только теоретическим осмыслением формирования праздника, но и разрушают общий комплекс установок и представлений о нем. Упускается из вида сама суть праздника, забывается о том, что праздник мифопоэтичен, сакрален, что это феномен культуры [1, 3], а не просто увеселение масс. Порождаются новые виды праздников, которые кардинально отличаются от ритуально-традиционных не только по формам, методам и выразительно-образительным средствам, но и по смысловому содержанию.

В свою очередь празднику, как отражению эпохи, свойственно трансформироваться под влиянием актуальных механизмов социума, исторических преобразований, политических течений и социальных проблем. Происходит модификация всех социально-культурных систем эпохи, ввиду их тесного взаимодействия и взаимовлияния. Современное общество отсекает прошлые стандарты. Такая позиция находит отражение в окультуренно-организованной активности масс с необычным, не

свойственным празднику, содержанием и с упором на личностное самовыражение. Совершенно новые функции, замыслы и задачи проникают в структурные элементы праздничной культуры благодаря специфичности общества потребления со свойственным постмодерну эпатажным дилетантизмом, парадоксальностью и абсурдом, с повсеместной «праздничностью» и пограничными с праздником событийными мероприятиями. Праздник современной эпохи выступает «продуктом», а элементы праздника активно используются в сфере маркетинга и торговли. Надуманные мероприятия, лишённые глубокого жизненного смысла, фундаментальной культурной базы, требуемого энергетического ритма и коммуникаций социального характера, заполняют будничное пространство: в основном это мероприятия для «галочки», которые преследуют цель показать количество, а не качество, создать видимость работы. Потребность общества в празднике теряет свой смысл, подменяется сиюминутной фальсификацией и заменой вовлечения в процесс технически поставленной (или художественно-оформленной) зрелищностью. Т.В. Чередниченко в своей работе «Праздничность» акцентирует внимание на имеющейся проблеме: «Праздничность – дело рыночное... Праздничность искушает: кажется, легко соорудить праздник из чего угодно... Но праздничность сама по себе в праздник не концентрируется... В итоге праздник, густо облепленный праздничностью, ... стал успешным товаром и многократно всучен по самым разным поводам... Праздничность повседневна и потому глушит традиционные ежегодные праздники» [6, с. 155-156] Распространившиеся тенденции повсеместной праздничности занижают значимость феномена праздника, делает вывод М.В. Литвинова, «приводят к выхолащиванию духовной сущности праздника, низводят массовый праздник до уровня потребительского развлечения» [4, с. 11].

Праздничность повсеместно довлеет над праздником. Открытия новых «сезонов», телевизионных программ, торговых центров, магазинов, выпуски «новинок» товаров, презентации проектов – всё сопровождается помпезными рекламными кампаниями при участии СМИ, к ним приурочивают акции в кинотеатрах и масс-маркетах, выпускают специальную продукцию, устраивают концерты в попытке привлечь как можно больше участников к лицемерию некоего «пустого фантика». Различные учреждения культурно-досуговой деятельности участвуют в гонках по количеству проводимых мероприятий, где качество самих мероприятий отходит на задний план. Участники так называемого «праздника» приходят на него по велению служебных записок в обязательном порядке.

Обилие корпоративных праздников превратилось в фантазмагоричный парад достижений, в котором вынуждены принимать участие и простые обыватели, к данным празднествам не относящиеся: каждая компания, просуществовавшая больше года, начинает неистово отмечать свои «дни рождения» и «дни рождения» отделов, привлекая к этому действу десятки всевозможных служб, арендуя кафе, рестораны, парки (наиболее платежеспособные снимают ролики, которые транслируются СМИ в рекламных целях). Не очень приятно себя показывают растиражированные фестивали-однодневки, целью которых становится получение прибыли. Несколько особняком в этом списке стоят сравнительно молодые праздники (День России, День народного единства, День православной молодежи и т.д.). На данном этапе, пока еще не сформирована новая традиционность и обрядность, в силу сохранившейся памяти старшего поколения о другом времени (СССР) и при отсутствии передачи праздничных традиций поколению среднего возраста – только новая генерация социума, рожденная в молодом государстве, способна поднять, развить и передать эти праздники

своим потомкам. Пока же новым праздникам не остается ничего, кроме как апеллировать к праздничности, растворяясь в потоке каждодневного «конфетти».

Праздник, со свойственной ему семантической наполненностью, трансляцией смыслов и содержания культурной памяти народа, призван вовлекать подсознание участников в творчество, проникать в неосознаваемые структуры личности, будить первостепенность связей и отношений традиционных ценностей культуры, на которой воспитываются сразу несколько поколений. В основе каждого праздника лежит значимое событие; само празднование ориентировано на изменения к лучшему в ближайшем будущем, на периодичность повторений в жизни социума с характерными обычаями, обрядами и ритуалами. Празднику свойственно соединять профанное с сакральным, разрывать трудовое повседневное время, выступать в качестве социального института, способного привлечь празднующих в коллективную сопричастность действию, через социально-психологическую потребность личности – стремление к разгрузке от повседневности. Соответственно, при полном пресыщении праздничностью, товарном изобилии, отсутствии строгого деления времени на будни и праздники, современный человек утрачивает необходимость в праздниках. Ведь особый праздничный сказочный мир подается социуму ежедневно в неограниченных дозах: посредством телевидения, гляцевых журналов, брендовых рекламных роликов, различных развлечений и тому подобного.

Однако, несмотря на негативные тенденции праздничности, частично (или полностью) утраченные социально-бытовые реалии, народный фольклор, обычаи и приметы, многие современные народные праздники с их разнообразием видов и форм всё же сумели сохранить культурные традиции, восходящие к древним ритуалам. Такие праздники, основывающиеся на принципах единства, сохраняют полифункциональность и в полной мере

реализуют возложенные на них обязательные задачи. В качестве примера можно привести христианский праздник религиозной направленности – Пасху. Великий пост перед Пасхой сейчас соблюдают не только убежденные теисты и вероятно верующие, но и многие атеисты. И хоть у последних просматривается явно несвойственное для праздника отношение к происходящему (дань моде, повод ограничить себя в пище), воздержание, тем не менее, присутствует. Даже в эпоху постмодерна современное общество потребителей способно на аскезу во имя веры, традиций, самоидентификации личности, культурного бытия. Пасхальное богослужение с обязательным освящением куличей и крашенок посещают люди разных возрастов, социальных слоев, деятели сферы искусств, культуры, административные руководители различных уровней. Праздничный стол и забавы, народные гуляния, концерты, увеселения и прочие, уже ставшие традиционными формы мероприятий сопровождают Пасху. Параллельно с христианским праздником во многих регионах России уже стало традицией отмечать студенческую Пасху в высших и средних учебных заведениях при поддержке местных администраций.

Ярким примером возрождения народных традиций может также служить другой традиционный восточнославянский праздник – Масленица, сохранившая в себе элементы мифологии, древние обряды и ритуалы. По своей колоритности, веселью, вовлечению масс в недельное празднование с радостным ожиданием весны и всеобщим прощением, Масленица по праву является истинно народным праздником.

Новогодние и рождественские праздники также могут выступать примером массового добровольного празднования – от момента подготовки к празднику (украшение жилища, выбор костюма, заготовки для праздничного стола с некоторым ограничением в период ожидания праздника) до самого празднования – многоуровневого, изобильного, с непременным ожиданием перемен к

лучшему в приходящем году. Набирающие популярность фестивали культур и исторических реконструкций тоже служат хорошим примером ренессанса культурно-исторического наследия.

Народную мудрость, основанную на социальном и духовном опыте, богатстве знаний, невозможно чем-то заменить и трудно воссоздать без стихийной репрезентации традиций в поколениях. Восстанавливая по крупицам потерянные исторические связи, бережно храня, возвращая традиции и обычаи своего народа, возможно возродить настоящие традиционно-обрядовые праздники в век высокоразвитой современной культуры. Праздничность ни в коей мере не способна заменить праздник: она пуста, не имеет смыслового основания, не способна к производству и трансляции духовного опыта, когда социальная интеграция выражается в реализации всё увеличивающегося стремления к потреблению. Общество, несмотря на повсеместное распространение праздничности, продолжает испытывать потребность в истинных праздниках с их особой атмосферой, колоритом, непередаваемой индивидуальностью и самобытностью. Праздник всегда актуален и является неотъемлемой частью национальной культуры и социокультурной практики. Дошедшие до наших дней обычаи, сохранившиеся традиции и наследие, а также некоторые довольно новые, но принятые народом праздники отмечаются «на широкую ногу» и совершенствуются с каждым годом. Возрождение и создание идейно наполненных праздников, с их неподдельной ценностью, без усиливающих, но пустых эффектов, является подспорьем в укреплении духовной силы и единства народа.

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для
декларации.*

*Conflict of Interests: author has no conflict
of interests to declare.*

Литература

1. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
2. Дебор, Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.
3. Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
4. Литвинова, М.В. Массовый праздник как полифункциональное явление // Наука. Искусство. Культура. 2013. № 2. С. 5-13.
5. Топоров, В.Н. Праздник // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 823-825.
6. Чередниченко, Т.В. Праздничность // Новый мир. 2002. № 11. С. 155-167.

References

1. Bakhtin, M. M. (2015), *Tvorchestvo Francua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i renessansa* [François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance], Eksmo, Moscow, Russia. (in Russ.)
2. Debor, G. (1999), *Obshhestvo spektaklya* [La Société du spectacle], Logos, Moscow, Russia. (in Russ.)

3. Kaiua, R. (2003), *Mifi i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred], OGI, Moscow, Russia. (in Russ.)

4. Litvinova, M.V. (2013), Mass holiday as a functional phenomenon (in Russ.), *Belgorod State Institute of Arts and Culture*, 2, 5-13.

5. Toporov, V.N. (1980) "Festivity". In "Myths of the World" (in Russ.), *Sovetskaya entsiklopediya*, 2, 823-825.

6. Cherednichenko, T.V. (2002), "Festiveness" (in Russ.), *Novyj mir*, 11, 155-167.

ОБ АВТОРЕ:

Кибалко Василиса Владимировна, аспирант по направлению подготовки «Теория и история культуры», Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308034, Россия; fiokla-07@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vasilisa V. Kibalko, Postgraduate Student of Theory and History of Culture, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308034, Russia; fiokla-07@mail.ru